

Последний Магистр

Автор:

Анна Клименко

Последний Магистр

Анна Клименко

Хроники отражений #2

Черная цитадель. Черный город, окруженный многовековыми черными стенами. Какие тайны скрываются за ними? Почему он спустя века опустел и оказался заперт? Почему маги, пытавшиеся проникнуть туда и разгадать его тайны, все как один погибали? Почему так волнует и людей, и народ дэйлор легенда о Последнем Магистре, которым сможет стать тот, кто сумеет войти в Черный город, преодолев все его ловушки?

И не слишком ли велика цена, что заплатит смельчак, попытавшийся использовать для достижения этой цели темную Силу, изменяющую суть любого, кто продается ей?

Анна Клименко

Последний Магистр

Пролог

Альхейм сонно шурился на яркое, умытое весной солнце.

Оно медленно плыло по хрустальному куполу неба, временами ныряя за белые пушинки облаков, и неумолимо приближалось к зениту. Где-то в кустах шиповника бойко трещали воробьи; из переулка доносились надрывные вопли котов.

А в пяти шагах, у маленького круглого пруда, над заклатьем корпели ученики. И, судя по всему, у них ничего не получалось.

Альхейм раздраженно махнул рукой.

- Все, довольно. На сегодня - все.

При звуке его голоса юнцы оторвались от раскрытой книги и едва ли не с благоговением уставились на мага.

- Но, учитель... - это сказал Кролл. Он сильно походил на цаплю; такой же тощий и долговязый, с невымытыми волосами, вечно спадающими на лоб. Лицо Кролла - острое, с непропорционально вытянутым подбородком и узким лбом, только усиливало впечатление.

- Мы можем попытаться еще, - закончил за Кролла Заметор, юноша чуть более приятный на вид. Но если образ Кролла впечатывался в память своей несуразностью, то Заметор казался настолько обычным, что его облик, не задерживаясь в решетке воспоминаний, бесконечно ускользал и терялся. Впрочем, и по части магии сей молодой человек не выделялся абсолютно ничем, не уступая Кроллу на стезе бездарности.

Смотреть на эту парочку было тошно. Ну отчего не объяснишь людям, что не каждое чадо способно узреть Силу, и принять ее в себя, и изменить сущее?..

- Я сказал - все, - поморщившись, процедил Альхейм, - занятие окончено.

Он неторопливо поднялся и, припадая на больную ногу, побрел в дом. Даже не оглядываясь, он был уверен, что Кролл стоит на четвереньках, сгребая в кучу неиспользованные компоненты заклинаний; если бы мальчишка видел, какие это источники власти, никогда бы так не поступил. А Заметор, как всегда, недоуменно чесал затылок, чудно выпучивая блеклые глаза.

– Хаттар всемогущей, избави меня от этих олухов, – проворчал Альхейм, растворяя резные двери. За спиной остался весенний сад, налитый солнцем и запахом жирной земли, – и за что мне муки наставничества?

Он поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж, чтобы не видеть своих «одаренных» учеников и, устроившись за рабочим столом, задумался.

...Сколько же лет прошло с тех пор, как Альхейм Шентарийский, один из придворных магов властелина восточного побережья, перевел древний манускрипт – а затем, бросив все, отправился в долгий путь к Алларену, свободному городу белых башен? Маг точно не знал. Да и не считал он их никогда, эти вечно летящие, мелькающие за окном годы. Он помнил только, что приехал в Алларен зрелым мужчиной и с головой погрузился в исследования древней цитадели, кажущейся идеально круглым чернильным пятнышком на светлом теле города. Он и подался-то на запад только ради этой крепости, молчаливо застывшей среди оживленных улочек... Ибо ее строили те, кто века тому назад познали вершины могущества.

Теперь... Часы, дни, годы упорхнули, унеслись прочь, словно тени перелетных птиц; никто из магов Алларена так и не смог войти в Черный город. И, очнувшись наконец, Альхейм с устрашающей ясностью осознал, что жизнь прожита; что у него осталось в лучшем случае несколько лет, а дальше – пустота, небытие... В то, что все люди после жизни земной попадают в сады Хаттара, отца Небесного, Альхейм не очень-то верил.

Черный город так и остался непокоренным, и главная башня, как указующий перст, тонула в небе, то ярко-синем, то перламутровом, то сером, как мышиная шкурка. Ни одно из сокровищ, что могли храниться за кольцом гладких, черных стен, и не попало в руки людей. И древние знания по-прежнему тихо спали в мягкой колыбели столетий, укрытые толстым ковром пыли и забвения.

...Но вчера все изменилось.

В час, когда Альхейм почти похоронил надежду, Хаттар, наконец, смилостивился над ним – и послал странный сон, ключ к воротам Черного города.

Весь день до этого маг бродил вдоль древних стен, прикасался руками к гладкому, почти полированному камню. Невзирая на солнечный день, пальцы

встречали холод, будто тепло солнечных лучей просачивалось, не задевая стен, и уходило в ледяную бездну. Альхейм любовался строгостью и изяществом линий, рациональностью каждого штриха – людям никогда не удавалось построить ничего подобного. Наверное, потому, что они были просто другими... Альхейм молился Хаттару, во власть которого уже едва ли верил; он просил – Отец Небесный, ниспошли мне ключ к этому городу и позволь мне осуществить мечту всей моей жизни – прикоснуться к сокровищнице давно забытых знаний... И позволь мне сделать это до того, как я умру, и останется от меня всего лишь бездыханное тело, мертвая плоть и кости. Разве я не посвятил этому всю свою жизнь? Так неужели, даже на последнем пороге, я не увижу то, чего так жаждал и ради чего отказался от богатства, семьи и дома?

Острые коготки болезни впивались в трепещущее сердце, выдавливая горькие кровавые капли; в какой-то миг Альхейму даже стало дурно – и он прислонился всем телом к холодной стене; вместо того, чтобы положить под язык целебную пастилку с мятой, принялся торопливо нахлобучивать шляпу, которую до этого нес в руках... А потом, когда боль отпустила, продолжил, словно одержимый, брести, обходя неприступную цитадель. Те немногие горожане, которых он встречал, торопились убраться подальше от старика с полоумными глазами. Правда, Альхейм почти не замечал их.

Потом он понял, что не в состоянии больше идти – и вернулся домой. Из окна спальни была видна черная игла башни, расцветенная розовыми бликами заката; Альхейм заплакал от бессильной злости на себя самого, а потом заснул. И увидел сон – настолько странный, что на следующее утро не мог его истолковать никак иначе, нежели послание Хаттара.

Магу привиделось, что он стоял посреди круглой площади, мощеной черным камнем. В ночном небе плыла Большая луна, и потому все вокруг блестело и сверкало, словно облитое еще не застывшей сахарной глазурью. Альхейм огляделся – и увидел, что в каких-нибудь двух десятках шагов от него устремилась ввысь главная башня; еще несколько башенок поменьше прилепились по бокам, словно желая взять хотя бы часть ее силы – и точно также пронзить небесный купол. Кое-где были разбросаны небольшие приземистые строения, у основания правильной пятиугольной формы, но с круглыми коническими крышами. И – ни души вокруг.

Альхейм, не зная, что и делать, побрел ко входу главной башни; ему казалось, что чудо свершилось, и он, наконец, получил то, о чем столько мечтал...

Непрошенные слезы заструились по щекам горячими мокрыми дорожками.

Но не успел он пройти и половины расстояния, как высокие двустворчатые двери бесшумно распахнулись, и на площадь вышли два старика.

Это была странная парочка; они едва передвигали ноги и заботливо поддерживали друг друга под локоть. На первый взгляд они показались Альхейму одинаковыми, но, приглядевшись, он понял, что старички эти – разные. Даже слишком разные.

Первый был худ, высок ростом, с длинными седыми волосами и бородой, заплетенной в косицу. Его лицо иссекли глубокие, но тонкие морщины, отчего оно казалось не живым – а всего лишь алебастровой маской, над которой потрудился резец умелого скульптора. Глаза же, на удивление, молодо чернели – как и каждый камешек этой цитадели.

Второй старец шел, сгорбившись, и его тощая, легкая, как пух, бороденка развевалась под дыханием теплого ветра. Выцветшие глаза то и дело близоруко щурились, а лицо походило на сушеное яблоко. В свободной руке старик тащил мешок, набитый чем-то мелким и сыпучим.

Воистину это была престранная компания! Первый старик принадлежал к угасающему народу дэйлор, а второй – к людской расе. Дикой нелепицей, почти безумием казалось зрелище бредущих под ручку человека и нелюдя.

– Уважаемые! – позвал Альхейм, – не соблаговолите ли...

Но они двигались прямо на него, не видя, и все кончилось тем, что просто-напросто прошли сквозь. Тогда маг понял, что он здесь – наблюдатель, и приготовился смотреть.

– Не печальтесь, Магистр, – тем временем прошамкал человек, обращаясь к дэйлор, – быть может, все еще возвратится на круги свои.

Черноглазый старик только покачал головой.

– Нет больше в моем народе того, кто принял бы все это на свои плечи.

- Но как же пророчество о Последнем Магистре?

- Брат мой, вы же видите, что я стараюсь им не стать... Хотя иной раз думаю, что зря... Не будем медлить. Надо закрыть этот город от любопытных.

Магистр отпустил локоть своего брата и направился к воротам, опираясь на палку. Не посох - а именно палку, простую, узловатую, сделанную из обычной ветки.

До Альхейма донеслось:

- Я жертвую слишком многим для них... Слишком многим... а стоит ли оно того?

Тем временем человек принялся выкладывать на черные булыжники содержимое своего мешка, и у Альхейма перехватило дух. Он увидел самые обычные компоненты заклятий, которыми пользуются все человеческие маги, дабы получать Силу через взаимодействие вещей!

- Вы готовы, брат мой? - прошелестел дэйлор, - тогда следует начать.

...Альхейм проснулся далеко за полдень. Долго лежал под шерстяным пледом, пытаясь прийти в себя, и думал, думал... Потом возблагодарил Хаттара - ведь кто еще, если не Отец-Небо, мог послать ответ на все вопросы?

А уж он-то, Альхейм, тоже хорош! Потратить всю жизнь на то, чтобы шагать по ложной, ведущей в никуда тропе! Да, он прочел когда-то, что в Черном городе жили и занимались магией и дэйлор, и люди. Кроме того, было записано, что дэйлор покинули свою цитадель раньше. Но ведь... Ох, каким дураком он был... Почему ему не пришло в голову, что город могли запирать человек - и последний, оставшийся в живых дэйлор? Вот это и впрямь объяснение тех неразгаданных ловушек, в которых так глупо гибли маги Алларена, поверив на слово древнему хронисту.

Они просто не могли видеть той Силы, которой пользовались дэйлор!

Мысли закрутились в лысой голове Альхейма, одна интереснее другой. И он пришел к выводу, что просто обязан найти мага, пусть даже самого

распоследнего – но из этого странного народа.

Если город и вправду был закрыт таким образом, то открыть его смогут тоже только двое. Слишком разных, чтобы понять друг друга и быть вместе.

... За окном чирикали воробьи, радуясь весеннему солнышку. Долговязый Кролл на посыпанной песком дорожке вновь и вновь раскладывал компоненты взаимодействия, тщетно пытаясь увидеть столь вожделенную Силу. Заметор развлекал себя, швыряя мелкими камешками в ствол яблони. Где-то надрывался, горланил молочник, сзывая достопочтенных горожанок.

Альхейм вздохнул и обхватил голову руками. Его одолевали сомнения – успеет ли он завершить начатое до того, как врата бытия с треском захлопнутся за ним, оставляя впереди только пустоту и ничто?

Часть 1

Дорога к городу избранных

Начало игры

Черная фигурка слуги медленно переползла на красную клетку доски хат-мо. Заиграв радужными сполохами, начала изменяться: выпрямилась угодливо согнутая спина, длинные, неуклюжие руки утонченно-аристократическим жестом скрестились на груди, а на бритой голове мгновенно отросли длинные волосы.

– Магистр! – Варна хлопнул в ладоши и откинулся на спинку кресла. Затем, вдруг опомнившись, взглянул на Учителя – не разозлится ли?

– Мои поздравления, почтенный Варна, – лицо старого дэйлор оставалось таким же бесстрастным, какими были лица мраморных статуй в саду, – прекрасная

комбинация ходов, просто прекрасная! Иных слов не подберешь...

И, подперев сухим кулаком щеку, он принялся изучать обстановку на игровом поле. На самом деле, Учитель был близок к победе – вплоть до того момента, как Варна, предприняв отвлекающий маневр и пожертвовав последним лучником, не передвинул своего слугу на клетку Преображения, где тот превратился в грозного и могущественного магистра, который, уже не двигаясь, мог преспокойно атаковать все клетки – и в том числе ту, где на троне развалился пухленький король Учителя.

– Прекрасно, великолепно, – промурлыкал старый маг, – у вас все шансы на победу, мой друг... Но я, – тут он сделал многозначительную паузу, усмехнулся и продолжил, – но я все же не буду отчаиваться...

Варна со все возрастающим любопытством ждал продолжения, одновременно и желая его, и побаиваясь, потому как Великий Магистр Дэйлорона не проиграл еще ни одной партии в хат-мо ни одному из своих учеников. Ходили упорные слухи, что и много декад тому назад, когда в Дэйлороне еще жило куда больше магов, он тоже никогда не проигрывал, исхитряясь обвести вокруг пальца даже собственных учителей.

Воцарилось молчание. Варна ждал, а Магистр размышлял, глядя куда-то сквозь доску и перебирая тонкими пальцами белоснежную бороду. Внезапно он поднял на Варну взгляд и задумчиво, словно делясь сокровенной мыслью, произнес:

– Беспокойно мне, мой друг. Плохие времена настают для Дэйлорона, да... Людей слишком много, и через сотню-другую лет будет еще больше. Пока они успокоились, и не тянут руки к нашему последнему прибежищу, к Великому Лесу, к западным землям. Кто знает, что будет дальше?

Варна вздохнул. Все это было так, и все это он слышал от Учителя по десять раз на дню.

– Магия покидает наш народ, – прошелестел старый дэйлор, – ваше поколение много слабее предыдущего, я это вижу. Мы теряем власть над силами этого мира...

Он снова замолчал, разглядывая доску хат-мо и фигурки, покорно застывшие в своих клетках. У Варны словно пелена упала с глаз: вместо величественного и бесконечно мудрого наставника, Великого Магистра, дэйлор увидел старика, уставшего от прожитых лет, и беспомощного перед той бедой, что давно пустила корни среди дэйлор. Бедой медленного вырождения. Он был настолько жалок, этот одряхлевший маг, кутающий свое сухонькое тело в алую мантию Великого Магистра, что Варне захотелось его как-то утешить и подбодрить. Дэйлор прочистил горло.

- Но, Учитель, к чему мучить себя тем, что невозможно изменить?

Старик лишь покачал головой - большой и совершенно лысой.

- Знаешь, Варна, иной раз я думаю, что мои далекие предшественники поступили неверно, отказавшись от Силы Отражений и не приняв Магистра Черной цитадели. Нет, нет, молчи. Я и без тебя знаю, что это чуждо природе дэйлор... Быть может, именно то, что когда-то этой Силой пользовались, и привело к теперешним бедам? Никто этого сейчас не скажет... И тайны утеряны, погребены под пылью забвения... А тут еще люди, слишком много людей...

Варна поежился. Магистр был очень стар, и порой его рассудок начинал мутиться. Тогда Учитель начинал плести совершеннейшую чушь, снова и снова пересказывать легенду о Черном Магистре, который некогда построил цитадель и наводнил ее темной силой, той, что питает народ Зла и неотвратимо изменяет самую сущность дэйлор...

- Тогда людишки присмирели, да... - просипел Учитель, сверля мутным взглядом красную клетку, на которой гордо стояла фигурка Магистра, - но Преображение... дается не всем, ох, не всем...

Старик глупо захихикал и начал раскачиваться на стуле всем телом.

Варна вздохнул. Медленно, стараясь не привлекать внимания Учителя, потянулся к шнурку, чтобы позвать прислугу... Было похоже на то, что партия в хат-мо так и останется незавершенной. Но Великий Магистр вдруг замолчал и внимательно посмотрел на своего ученика.

- Погоди, Варна. Мне... уже лучше. Значительно лучше.

Пальцы дэйлор замерли поблизости от шнура.

– Учитель... Вам лучше отдохнуть.

– Когда отправлюсь к духам Предков, тогда и отдохну, – отрезал Магистр, – я, кажется, придумал, как решить задачу.

И указал на доску.

Варна в сомнении поглядел на старого мага. Затем – на фигурки.

От короля, принадлежавшего Учителю, к сурово застывшему магистру мелкой трусцой спешил Парламентер, размахивая белым флажком. Остановившись на соседней клетке, он принялся что-то шептать на ухо магистру, переминаясь с ноги на ногу и время от времени подозрительно поглядывая на Варну. Фигурка магистра снова засверкала радужными сполохами, а затем...

– Но он же... – Варна в изумлении поднял глаза на Учителя.

– Перешел на мою сторону, – Великий Магистр удовлетворенно откинулся на спинку кресла, – это не запрещено правилами игры, мой друг.

Варна поднялся.

– Благодарю за игру, Учитель.

– И тебе спасибо, – кивнул старик, – не забывай моего указания. На этот раз не до шуток.

...Варна прекрасно помнил то, что ему приказал Великий Магистр: встретив дэйлор с задатками мага, привести к Учителю. Потому как старик был твердо уверен в скорой войне с людьми, а магов в Дэйлороне с каждым поколением рождалось все меньше и меньше.

Он вышел из дома старого магистра; после душной, пропитанной запахом старческого тела спальни, хотелось вдохнуть свежего воздуха, ощутить на лице

ласкающее прикосновение весеннего ветерка.

Варна прошелся по дорожке, рассеянно обрывая сочные побеги лиственниц, сминая их и выбрасывая тут же, под ноги. Прозрачная тишина, увитая ароматом разогретой на солнце хвои, убаюкивала.

– Хитрющий лис, – пробормотал маг, – старый лис... Видите ли, парламентар не запрещен правилами!

Он уселся на скамью, откинулся на резную спинку и закрыл глаза. Время послеобеденного сна, время сонной тишины согретого весной леса... В голове крутились невнятные обрывки какой-то мысли, отдаленное, незванное воспоминание.

И будут слезы мира сего ему временем и пищей.

Варна нахмурился. Ему казалось, что этот неведомо откуда взявшийся отрывок был важен – а потому маг попытался восстановить в памяти, где и когда он его вычитал.

А вспомнив, лишь усмехнулся. И отчего в такой прекрасный день в голову лезут столь мрачные строки?

И взойдет на вершину горы последний магистр, страшный ликом.

И будут слезы мира сего ему временем и пищей.

И наступит конец времен для народа дэйлор, благословенного землей.

Под сердцем шевельнулся скользкий комок тревоги, и Варна рассердился сам на себя. Резко поднявшись, он зашагал прочь из сада; в такой день ему просто не хотелось думать о плохом. Особенно, когда дело касалось мутных предсказаний, бесноватых – или, как их называли, озаренных, и предреканий гибели дэйлор.

– Последний магистр, последний магистр, – недовольно пробурчал Варна, – тут и магистры-то идут один за другим, а закат продолжается... Взять бы этих предсказателей, камень на шею – да в Эйкарнас, туда, где поглубже. А еще

лучше – в болото. Чтобы поменьше народ мутили...

И тут же, невольно вернувшись мыслями к проигранной партии, хрустнул пальцами.

– Ах ты, старый лис!

* * *

По мощеной мрамором дорожке ползла открытая повозка, запряженная двойкой тритонов. Возница, обряженный в одеяние из ярко-желтого шелка, то и дело нахлестывал медлительных тварей; тритоны, зажатые в оглоблях, ревели, огрызались и клацали зубами в бессильной злобе, предпочитая, однако, вышагивать столь же медленно.

В повозке сидела молодая девушка, черноглазая и черноволосая, как и все из народа дэйлор; бледно-лиловый шелк роскошного платья подчеркивал нежный цвет ее лица, а тяжелые золотые украшения – врожденное изящество рук.

Ее звали Найли, и она была третьей незаконнорожденной дочерью последнего главы правящего дома д'Аштам. Ей повезло, этой хрупкой и женственной дэйлор – просто несказанно повезло, что глава Дома взял ее мать в замок. Иначе не ехала бы она сейчас в золоченой повозке, а полола бы грядки тамико, ползая на четвереньках в жирной, пахнущей прелой листвой, земле.

Матери Ильверса повезло меньше. А потому он занимал место, уготованное простому сыну рабыни. Иными словами, был самым обычным рабом у собственного отца.

Прекрасно осведомленный о том, кем приходится ему глава правящего дома, Ильверс чувствовал в этом большую – как лес, как вся земля дэйлор – несправедливость. Происхождение его было ничем не хуже, чем у Найли, однако ж она – в шелках и золоте, а он – в лохмотьях... Наверное, чувство этой вопиющей несправедливости вскормило и то легкое презрение, которое он невольно питал к собственной матери. Порой ему хотелось спросить – почему? Почему ты не смогла удержать при себе этого ублюдка, что стал моим отцом? И отчего живем в вонючей хижине, вместо того, чтобы спать среди шелка и

кружев?

Впрочем, себя Ильверс презирал еще больше, оттого, что знал, кем мог быть – если бы начал учиться у мудрых дэйлор, чующих Силу, и кем оставался по сию пору.

Но увы – на землях дома д'Аштам раб не мог стать никем иным, кроме как бессловесным тритоном, запряженным в роскошную повозку хозяина.

Он швырнул корзину, в которой таскал камни, на землю, и с наслаждением выпрямился. Нули натруженные руки, спина, ноги – и это во время предобеденной прогулки Найли! А к вечеру он просто упадет на вонючую подстилку в углу хижины, закроет глаза и провалится в душную яму сна без сновидений, где нет ни чувств, ни мыслей, чтобы на следующее утро подняться с восходом солнца, проглотить кусок лепешки с козьим сыром и идти снова работать. В то время как Найли будет нежиться в мягкой, как лебяжий пух, постели...

Он с ненавистью взглянул на медленно приближающуюся сестрицу. Сквозь пышные кроны деревьев-стражей просачивались золотые нити солнца, и, опутанная ими, повозка сверкала и переливалась, заставляя щуриться. Презрительно сплюнув в траву, Ильверс поискал глазами мать – оказалось, та уже бросила выпалывать клумбу с лиловыми розами и, прихрамывая на обе ноги, спешила к нему, отчаянно делая какие-то знаки.

У Ильверса снова чуть не вырвался извечный упрек – почему? – но он вовремя прикусил язык. К презрению горячим ручейком примешивалась жалость к рано постаревшей, изможденной женщине.

Мать наконец добралась до него, и, вцепившись в локоть, потащила к дороге.

– Кланяйся, кланяйся, дурак!

В висках тугими ударами забились кровь; Ильверс резко дернулся, стряхивая измазанные в земле пальцы дэйлор.

– Из ума выжила? С какой стати? Чем она лучше меня?!!

– Кланяйся, дурачок, – мать сиплым шепотом продолжала увещевать его, – может, возьмет тебя в замок прислуживать... пойдешь учиться... ну же, не упрямясь!

В это время повозка поравнялась с ними; мать, испуганно ойкнув, бухнулась на колени, зачем-то прикрывая голову руками. Словно боялась, что ее будут бить.

А Ильверс так и остался стоять, не сводя взгляда с госпожи.

Тритоны всхрапнули и остановились. Найли, подперев кулачком точеный подбородок, некоторое время с любопытством разглядывала наглеца. Все это, конечно же, делалось напоказ – они прекрасно знали друг друга, и знали, кем друг другу приходится. Возница тоже глазел на Ильверса, но со смесью страха и сочувствия. Молчание затягивалось.

Наконец, грациозным жестом раскрыв веер, Найли поинтересовалась:

– Почему ты не кланяешься, раб?

Взгляд Ильверса, помимо его воли, остановился на изящной шее девушки. В сознании вспыхнула сладко-заманчивая картина: Найли бьется в судорогах, глаза вылезли из орбит, а его пальцы с хрустом ломают ее нежное горло.

– Я тебя спрашиваю, – сахарным голоском пропела дэйлор, – ты оглох?

Это очаровательное создание находило особенное удовольствие в подобных издевках; как никто другой, она умела ворочать нож в незаживающей ране. Ильверс молчал. Да и что он мог сказать? То, что никогда не будет гнуть спину перед собственной сводной сестрой?..

Найли исторгла из себя вздох, полный сожаления, затем поднесла к губам золотой свисток и трижды резко дунула в него. Ильверс моргнул и бросил взгляд на мать: та по-прежнему валялась, распростершись на земле, дрожа всем телом. Громко топая, прибежала четверка надсмотрщиков.

– Этот раб, – сказала Найли, указывая тонким пальчиком на Ильверса, – это ничтожество не желает кланяться своей госпоже. Всыпьте ему как следует,

чтобы в следующий раз неповадно было.

* * *

И снова он не мог лежать на спине. И тощенький лучик света просачивался сквозь щель между досками, выхватывая из полутьмы хижины грязную ножку стола и край миски с водой. Ильверс как-то спросил у матери – зачем в их лачуге нужен стол, когда у прочих его прекрасно заменяет брошенная на пол циновка, но женщина, улыбнувшись одним уголком рта, принялась вспоминать о своей жизни в замке, и о том, что высокорожденные всегда едят со стола, а не с пола. Тогда Ильверс только хмыкнул, и кособокий, хромой на четыре ноги стол все-таки остался жить в хижине...

– Дурачок ты мой, дурачок, – бормотала мать, – зачем тебе это? Почему не хочешь смириться?

Но он только скрежетал зубами и отплывал в темное море беспамятства. А там, в бушующем водовороте, где не было ни земли, ни неба – а только мешанина чернильных и серых пятен, его находила благословенная Память Предков, то единое, что принадлежало всему народу дэйлор, храня знания тех, кто когда-либо жил на этом свете. И он вспоминал то, чего никогда не делал; воображал, как собирает в тугой ком Силу, плещущую повсюду, и бросает огненный смерч прямехонько в грудь Найли. А потом испытывал темное, неправильное удовольствие от того, как она мучительно умирала в сердце пламенеющего кокона.

– Не умеешь, да и не хочешь спину гнуть, – говорила мать, – вот и зря. И нечего зубами скрипеть. Найли – госпожа, а ты – раб. Ничего с этим не сделаешь... Поклонился бы ей, попросился бы прислуживать в замок. Я же вижу, как тебе тяжело...

– Она мне не госпожа, – устало повторял Ильверс, – а я ей не раб. Я такой же, как она. Почему, почему мы здесь, матушка? Что мешало тебе остаться в замке?!!

– Я ничего не могла поделать, – только вздыхала дэйлор, дрожащей рукой приглаживая пегие, спутанные пряди своих еще недавно черных волос, – ничего... Но ты еще можешь что-то изменить, почему же ты не хочешь?..

Позже боль отступила, заползла, как змея в нору. Ильверс наконец смог выйти из хижины, но на это ушли все его силы. Он сел на пороге, тяжело дыша и обливаясь потом.

Мимо плелся старый дэйлор, Квади, по кличке Ящерица. Остановился, поцокал языком.

- Что, храбрец? И не жалко тебе матери?

Ильверс только покачал головой. Конечно, мать он жалел, но...

- Не дури больше, - назидательно рек Ящерица, - и спина будет целее. А еще личинкой был таким же настырным!

Личинкой... Значит, мать выгнали из замка еще тогда, когда он был несмышленным созданием, жалким подобием дэйлор...

Ящерица пожал костлявыми плечами в розовой сетке шрамов и побрел дальше. А Ильверс остался сидеть на пороге, наблюдая за тем, как танцуют золотистые пылинки в столбе света. Потом вернулась мать, юркнула в зловонное нутро хижины и появилась оттуда с миской тягучего варева, которое получалось, если долго-долго варить плоды тамико.

- Ну что, ты доволен собой, я погляжу?

Ильверс вяло взял миску, обмакнул туда палец. Мать уперла руки в бока и нахмурилась.

- Ильверс. Я тебя прошу, больше не делай так...

- Угу. Кланяйся своей сводной сестричке, ползай перед ней на брюхе, и все будет хорошо.

- Ну вот видишь, сам ведь знаешь, как правильно! Они тебя бьют с каждым разом все сильнее. Допрыгаешься, что отправят тебя к Предкам, дурачок.

Ильверс облизал палец и с трудом проглотил пресную жижу.

- Не хочу я такой жизни. Пусть лучше меня убьют.

Дэйлор всплеснула руками, но не заголосила, как того ожидал Ильверс, а наоборот, присела рядом на порог.

- Послушай меня, Ильв. Может быть, сейчас мы живем плохо, не так, как тебе хотелось бы... Но твой отец уже немолод, дом д'Аштам - как сохнувшее дерево, и других наследников мужского пола, кроме тебя, нет. Понимаешь ты это? Так зачем глупо рисковать своей жизнью, когда все еще может обернуться в нашу пользу?

- Ты сама-то веришь в то, о чем говоришь? - хмуро спросил Ильверс, - мы - рабы. Просто рабы. И никому мы не нужны.

Мать неопределенно пожала плечами, хмыкнула и ушла.

... Через три дня Ильверс смог самостоятельно добраться до небольшого пруда, чтобы искупаться и одеться в чистое.

Он стянул с себя пропитанные потом лохмотья, и, морща отражения зеленых крон, вошел в темную воду. В этом зеркале, дарованном землей своим детям, Ильверс придирчиво оглядел себя, и пришел к неутешительному выводу, что еще одно наказание - и он станет таким же костлявым, как Ящерица.

На самом деле, он не помнил того времени, когда бы мог назвать себя крупным мужчиной. Роста он был немало, но сложение казалось скорее хрупким; такими обычно покидали свои коконы маги народа дэйлор. Те, кому была уготована судьба воина, выглядели куда как крепче и внушительнее.

А до кокона никто не мог предположить, кем станет будущий дэйлор. Трудно предсказать дальнейшую судьбу серой зубастой личинки; трудно даже угадать, перенесет ли она исполненный волшебства переход в коконе, или засохнет в липкой паутине дохлой мошкой. Сколько раз уже Ильверс видел, как безутешные матери несли закапывать высохший трупик...

Он тщательно вымылся, и уже надо было возвращаться - но как трудно отказать себе в удовольствии еще немного побыть в воде, а заодно и потянуться к той

загадочной Силе, с которой он до сих пор не научился обращаться.

Ильверс замер на поверхности воды, закрыл глаза. На самой границе зрения уже маячили радужные потоки: зеленые – от леса, темно-коричневые – от земли, синие – от неба... Пестрым ковром Силы дымились цветы, расплавленным золотом лилась она из пылающих ладоней солнца...

«Ну где же ты? Помоги мне», – подумал он, обращаясь к Памяти Предков, – «как мне взять все это? Как стать другим?»

Но Память Предков молчала, не желая помогать презренному рабу в его преступных мечтах.

Тогда Ильверс осторожно, боясь лишней раз шевельнуться, потянулся сознанием к сверкающим зеленым нитям, прикоснулся к ним... Ему захотелось вобрать, впитать в себя хотя бы частицу этого завораживающего сияния, но... То, что произошло мгновением позже, было похоже на прикосновение к горящим углям. Ильверс вскрикнул, дернулся – и ушел с головой под воду, проклиная свою никчемность.

Ну почему, почему у него ничего не получается?!!

Разбрасывая фонтаны холодных брызг, он выплыл, выбрался на берег... Теперь нырнуть в пахнущие травами ветхие штаны, натянуть латанную рубаху – и останется только приятное воспоминание о холодной темной воде.

И тут Ильверс понял, что не один.

На берегу, прислонившись спиной к кровавистому стволу сосны, удобно расположился немолодой дэйлор в роскошном одеянии. Он молча разглядывал Ильверса, словно тот представлялся ему вовсе не рабом, а занятнейшей зверушкой.

«Кланяйся, кланяйся, дурак...» – он почти услышал материн голос, заставляющий против воли гнуться спину. Но в голову ударила отцовская кровь, и вместо того, чтобы поспешно перегнуться пополам, дэйлор замер, поглядывая исподлобья на незнакомца.

Кроме одежды с золотым шитьем, тот не обладал никакими особыми чертами, на которых мог задержаться взгляд. Черные с проседью волосы были заплетены в четыре косы и украшены костяными подвесками, не тронутая сединой короткая борода – аккуратно причесана, а, может быть, даже надушена благовониями. Лицо его казалось самым обычным и ничем не выдающимся; разве что глубоко посаженные глаза постоянно щурились, будто от яркого солнца, да в уголках тонких губ пряталась высокомерная усмешка. Словно господин этот знал куда больше, чем прочие, и не скрывал своего превосходства.

Ильверс все-таки поклонился, стискивая в кулаке рубаху. Кто знает, что нужно этому дэйлор, да еще так далеко от отцовского замка...

– Подойди ко мне, – приказал дэйлор, – ты ведь раб дома д’Аштам?

Ильверс покорно приблизился. Хоть и напомнил незнакомец о горькой несправедливости, в душе молодого дэйлор шевельнулся червячок любопытства.

– Как тебя зовут? – последовал вопрос.

Ильверс назвал себя. Под пристальным, испытывающим взглядом незнакомца дэйлор чувствовал себя неловко; он не знал, куда деть руки – а потому продолжал судорожно мять рубаху.

– Мне вот что интересно, Ильверс, – каждое слово падало тяжело, как камень, – чем это ты тут занимался?

– Я... я купался, господин.

– Ну, а потом? – глаза незнакомца подозрительно сузились, – что ты делал, лежа на воде?

– Я... – Ильверс запнулся, мотнул головой. Как объяснить этому странному дэйлор то, чем он на самом деле занимался?

– Можешь не говорить, если не знаешь, – изрек господин, – именно твое занятие и привело меня сюда. Я почувствовал – и пришел. Давно земли дэйлор не рождали столь одаренного мага!

Сердце Ильверса болезненно сжалось в груди, а потом, будто набравшись сил, весело заколотилось о ребра. Значит, он не ошибался! Был прав, когда отделял себя от простых рабов, когда просил Память Предков подсказать, как взять и обратить себе на пользу всю великую Силу!

– Мой господин, – слова тяжело, ершиком выползали из горла, – кто вы?

– Я Варна д'Кташин, маг правящего дома. Знаешь ли, твои способности впечатляют. И эта твоя попытка... взять Силу, она повлекла такой резонанс в слоях сущего, что я едва не потерял свой путь портала.

Ильверс помолчал. В его голове мелькали, кружились в дикой пляске обрывки мыслей, и дэйлор никак не мог привести их в порядок. Все это время он мечтал попасться на глаза какому-нибудь магу, чтобы попроситься в ученики, а тут силой случая маг сам нашел его... Но что теперь?

Этот вопрос Ильверс и задал Варне.

Тот чуть заметно пожал плечами.

– Ты же раб. Это осложняет дело. Но, пожалуй, я сегодня же отправлюсь к твоему хозяину, чтобы тебя выкупить. У нас слишком мало сильных магов, чтобы ими вот так разбрасываться!

– И вы... будете меня учить? – едва веря своему счастью, спросил Ильверс.

– Разумеется, – Варна скупно улыбнулся, отчего резко обозначились тонкие морщинки-лучики вокруг глаз, – я буду тебя учить. И я представлю тебя самому Великому Магистру. Разве мог ты мечтать об этом?

Ильверс ничего не ответил. Разумеется, он не раз и не два отдавался сладким мечтам о том, что когда-нибудь... Ну так ведь то были пустые грезы, а теперь все стало настоящим, живым. И происходило именно с ним, обычным рабом.

* * *

Варна, следуя указу Магистра, и в самом деле намеревался выкупить одаренного молодого дэйлор. Будучи привычным неуклонно следовать собственным планам, он вечером того же дня наведаясь к Эвору д'Аштам, главе дома и хозяину Ильверса.

Эвор принял гостя радушно, приказал подать легкий ужин, а затем, развалившись на диване, выслушал суть дела. Поразмыслив немного, спросил:

- И чего он сдался тебе, этот раб?

- Ильверс - одаренный маг, благородный Эвор. Сейчас все меньше и меньше магов рождает наша земля, и мы не можем позволить, чтобы столь одаренный дэйлор и дальше возделывал тамико.

Глава правящего дома задумчиво, с прищуром, глядел на огонек свечи.

- Как, говоришь, его зовут?

- Ильверс.

- Ильверс... Ильверс...

Внезапно Эвор усмехнулся, будто вспомнил нечто забавное. И - уж совершенно неожиданно - пробормотал:

- Вот что значит кровь высокорожденных!

- Я не совсем понимаю, о чем вы, благородный Эвор.

Выражение лица дэйлор вдруг изменилось, стало хмурым и отчужденным.

- Видишь ли, Варна... Я не могу тебе продать этого раба. Славно, что ты вообще о нем напомнил, а то я напрочь забыл о том, что он существует! И напомнил ты мне о нем как нельзя кстати... Так уж получилось, что сейчас у меня нет наследников мужского пола, кроме него.

Варна умел владеть собой. Очень хорошо, так, что никто не мог догадаться, что творится у него у душе. Но на сей раз новость оказалась столь ошеломляющей, что маг наиглупейшим образом вытаращился на главу правящего дома. Варна едва верил собственным ушам: кем же надо быть, чтобы забыть о единственном сыне и оставить его собственным рабом?!!

– Ну, что уставился? – промурлыкал Эвор, – В замке живут только те мои дети, чьи матери до сих пор доставляют мне наслаждение. Помнится, мать этого Ильверса ни на что не годилась, кроме как тамико полоть... Вот я и отправил ее туда!

И он ударился в воспоминания, от которых Варну едва не стошнило.

– Хорошо, что ты мне напомнил об этом рабе, – на прощание сказал Эвор, – надо будет взять его в замок. Все-таки других наследников нет. Пока нет.

Весьма впечатленный услышанным, Варна покинул гостевые покои. Но, когда уходил, заметил, как в потемках, среди полированных деревянных колонн, мелькнула стройная девичья фигурка в светлом одеянии.

«Подслушивала, что ли?» – маг покачал головой. На него вдруг нахлынула волна омерзения; стало душно. И не хотелось оставаться в этом замке ни мгновением больше.

«А что я скажу Ильверсу? Отказ убьет его, не иначе...»

Варна поморщился. Нехорошо получалось, ох, нехорошо... И красть раба и сына Эвора д'Аштам казалось не совсем правильным, и оставлять мальчишку гнить среди всей этой пакости тоже не следовало. Тем более, что Магистр...

– Да, я слышу тебя, Варна. Что нового ты мне скажешь?

– Учитель? – в который раз Варна поразились способностям старого мага. И в который раз с болью осознал, что самому ему никогда не достичь таких высот; магия уходила, ускользала, как вода в песок.

– Варна, не тяни. Что у тебя новенького?

В голосе Магистра скользнули первые нотки раздражения.

– Я нашел способного дэйлор, Учитель. Но все дело в том, что...

* * *

Мать не верила, с сомнением качая головой, и это злило.

Ильверс отставил миску с вареным тамико.

– Ты думаешь, я все это придумал? Матушка, но к чему мне это? Вот увидишь, не пройдет и трех дней, как я стану учеником мага!

– Рабов не берут в ученики, – спокойно возразила она, – над тобой просто посмеялись, мой бедный малыш.

– Да нет же! – дэйлор вспыхнул, – все это правда...

И он начал рассказывать все заново – о том, как попытался взять Силу, о том, как у него ничего не получилось, о том как...

Тряпку, что временно исполняла обязанности двери, решительно и резко дернули в сторону, и в хижину заглянул Кэйвур, надсмотрщик. Выпятив челюсть, он несколько мгновений рассматривал замерших мать и сына, а затем, ухмыльнувшись, проухал:

– Ну что уставились? Выходите. Мне приказали отвести вас обоих в замок.

Услышав такое известие, Ильверс едва не подпрыгнул на месте от радости. Бросил на мать многозначительный взгляд, мол, я ведь говорил, а ты не верила! К тому же, все складывалось гораздо лучше, чем он мог надеяться: похоже, Варна решил выкупить их обоих.

– Ну, живо, живо, – прорычал Кэйвур, – что вас, до восхода Малой луны ждать?

Растерянно ойкнув, мать вдруг залилась слезами. Ильверс досадливо поморщился – чего голосить, когда, наконец, в их жизни наступили перемены? Да еще такие?

– Матушка, поднимайся, – он осторожно обнял ее за костлявые, вздрагивающие плечи, – ну же, пойдем, пойдем! Хозяин не любит ждать...

Но дэйлор все никак не могла успокоиться; те слезы, что копились на протяжении долгих лет, вдруг решили выплеснуться наружу. Пришлось вести мать, придерживая под локоть, а она то и дело спотыкалась на ровном месте и дрожала всем телом, как загнанный в угол зверек.

Когда они отошли от хижины, Кэйвур указал свернутым хлыстом в направлении боковой дороги, что была проложена вдоль изгиба Эйкарнаса, пересеченного многочисленными порогами. Это и в самом деле была самая короткая дорога к замку, который рос почти на обрыве – так, что Эвор мог созерцать причудливую игру воды.

– Нам туда.

И быстро зашагал вперед, подавая пример. Ильверс поспешил следом, таща на себе мать, которая все никак не могла успокоиться.

– Ну, матушка, успокойся, – бормотал он, – зачем плакать? Все это к добрым переменам, непременно...

Стояла чудная ночь, одна из тех, что бывают только поздней весной – когда все вокруг усыпано цветами, а голова кружится от тонкого плетения запахов. Крупные цветки жасмина казались белыми звездами, упавшими с неба в пышную зелень, и лиловые ночные колокольчики чуть покачивали головками в шлейфе лунного света, как украшения на вуали новобрачной.

...Мать успокоилась, когда сквозь трели древесных лягушек пробился шум торопливо бегущей среди камней воды, и даже пошла самостоятельно, чуть-чуть опираясь на руку Ильверса.

– Я все еще не могу поверить, – пробормотала она, – неужели так оно и будет? И ты, мой малыш, станешь магом... А потом, если позволит воля Дэйлорона, и наследником Эвора? И мы будем жить в замке, Ильв. Ты ничего не помнишь, да... Там, в сплетении стволов, все резное, раззолоченное...

– Поглядим, поглядим, – сухо ответил дэйлор. Ему не нравилось, что мать разоткровенничалась в присутствии надсмотрщика. Тот, небось, шагает себе впереди и гнусно ухмыляется, привычно выпячивая челюсть...

– И ты будешь одеваться в шелка, самые лучшие и яркие, – продолжала громким шепотом женщина, – у тебя будет все, о чем ты только мечтал!

Кэйвур остановился так внезапно, что они едва не врезались в его широченную спину.

– Что случилось? – Ильверс быстро огляделся и не увидел ничего, что могло бы привлечь внимание надсмотрщика. Вокруг цвел жасмин, состязались в пении лягушки, и шумела вода.

– Ничего, – ответил Кэйвур, – ничего...

Он резко повернулся к ним; Ильверс успел только заметить, как в широкой, мускулистой руке дэйлор блеснуло широкое лезвие ножа. В следующее мгновение он услышал странный хруст в собственной груди.

Мир вздрогнул, зашатался и перевернулся; щека вдруг уткнулась в упругие стебли травы.

А потом внутри все взорвалось дикой, непереносимой болью.

– Мама! – выдохнул Ильверс; горячая волна поднялась из груди по горлу и тяжело плеснулась на траву.

Откуда-то издалека донесся испуганный вскрик. А еще миг спустя Ильверс увидел ее лицо, совсем рядом, бледное, осунувшееся, опутанное сетью ранних тонких морщинок... В черных глазах отразились непомерное удивление и боль; мать вздохнула – покорно, как будто ее снова незаслуженно огрели плетью... По

щеке вниз потекла черная тоненькая струйка. Ильверс хотел протянуть ей руку, коснуться ее худенького плеча – и не смог. Силы ушли куда-то, и это было странно.

– Матушка... – он сделал попытку вдохнуть, но в груди словно не было места для воздуха, одна горячая тяжесть, вязко сочащаяся изо рта.

Сознание путалось в серой, мельтешащей паутине; не было ни мыслей, ни чувств. Ильверс неотвратно сползал в черную, ледяную бездну, из которой уже не было возврата, и где его ждали те, кто жил раньше.

Дэйлор не почувствовал, как грубые руки Кэйвура подтащили его к обрыву и столкнули вниз. Он уже не знал, что над ним сомкнулись бурные воды Эйкарнаса.

Но что-то удержало его на краю бездонной пропасти и не дало воссоединиться с духами Предков.

Дом врага

– Ты снова здесь? – глава дома д'Аштам едва удостоил Варну взглядом, не говоря уж о том, чтобы перестать обсасывать крылышко куропатки, – и что тебе еще надо?!!

Маг сдержанно поклонился. Происходило что-то не то... совсем не то, что должно было... Ведь Магистр обещал все уладить! Или... забыл? Не получилось?.. Стараясь сохранять хотя бы внешнее спокойствие, Варна поинтересовался:

– Разве Великий Магистр не навещал главу дома?

Эвор ухмыльнулся и красивым, отточенным движением отшвырнул прочь недоеденное крылышко.

– Я отнюдь не дурак. И мне наплевать на вашего Магистра. Но мне – слышишь – не наплевать на то, что у меня крадут сразу двух рабов! И попробуй теперь

доказать, что ваша чародейская братия здесь не при чем!

- Вы хотите сказать, что Ильверс исчез? – на всякий случай уточнил Варна.

- Именно, – Эвор поднялся из-за стола и потянулся, – Ильверс и его мамаша. Как и следовало ожидать, никто ничего не слышал и не заметил, но утром их уже не было. Признавайтесь, ваших рук дело?

Варна окинул разъяренного дэйлор хмурым взглядом. Обвинение было серьезным и, кроме того, бросало тень на честь Великого Магистра. С другой стороны, упомянутый Магистр обещал все уладить... Неужто именно так?!! Нет, это казалось невероятным. Или все же старик окончательно выжил из ума?

- Учитель?

Тишина.

- Учитель, ответьте мне!

И снова молчание.

- Я бы не стал обвинять Великого Магистра в краже раба. В любом случае, он бы воспользовался иными средствами! – жестко сказал Варна. И тут же вспомнил одинокую женскую фигурку, мелькнувшую в потемках среди колонн.

- А кого мне в таком случае обвинять? – рявкнул Эвор, подходя почти вплотную, – я вас не боюсь! И не позволю ничего у меня красть! К тому же, как-никак, речь идет о моем сыне, который мог и здесь пригодиться...

«В качестве еще одного раба», – закончил про себя маг, а вслух произнес:

- Не делайте столь поспешных выводов. Я уверен, Магистр не принимал участия в побеге... или краже...

- Учитель, почему вы молчите?

Тишина.

– Могу я осмотреть место, где они жили?

– Осматривай, сколько тебе заблагорассудится, – буркнул Эвор, – я выслал на их поиски своих стражей спокойствия, но мало ли что... Если, конечно, вы и в самом деле не приложили к этому руку. Впрочем, мне наплевать. Будут у меня и другие наследники, а этот – хоть пожри его упырь!

Неожиданно для себя Варна подумал о том, что Ильверс был чрезвычайно похож на своего отца: тот же волевой профиль, выразительные глаза, решительно сжатые губы... Только сложением парень вышел куда как более хрупким, ну да оно и понятно – маги всегда тоньше в кости, чем те, кто не видит Силу.

– Я, пожалуй, пойду, – проронил Варна, – было бы хорошо, если бы вы дали мне кого-нибудь в проводники.

– Разумеется, – сквозь зубы процедил глава дома. Его взгляд переместился за спину Варны и потеплел, – Найли, дорогая, проводи моего гостя туда, куда он скажет.

Варна обернулся: оказывается, за его спиной неведомо как долго стояла юная дэйлор, неслышно пробравшаяся в покои Эвора на бархатных лапках. Сказать, что она была хорошенькой, значило не сказать ровным счетом ничего; маг уже очень давно не видел подобной красоты, редкого и гармоничного сплава утонченности, свежести, совершенства, грации... Платье из легкого нежно-лилового шелка подчеркивало каждый изгиб ее тела и выгодно оттеняло бледную кожу; крупный жемчуг тускло светился в иссиня-черных волосах, как бутоны жасмина лунной ночью.

Девушка подарила Варне ослепительную улыбку, затем взглянула на Эвора.

– Отец, но разве пристало мне идти туда, к этим... – ее точеный носик аристократично поморщился, – к этим грязным животным?

«Вот, значит, как», – подумал Варна, – «одни дети у него в шелках, другие – в грязи. Очень странный этот дэйлор, очень... Уж я бы точно не поступил бы так,

будь у меня свои...»

Непрошенные и незванные, вновь пришли воспоминания о том, что – увы, увы... Ни один из его детей не пережил волшебного перерождения в коконе. Было ли это проклятьем или следствием мощного магического дара, Варна так и не узнал, сколько ни старался.

– Я хочу, чтобы ты сопровождала мага, – насмешливо изрек Эвор, – он слишком мудр и образован, чтобы опускаться до общества надсмотрщика.

Найли поспешно склонила голову, и Варна успел заметить на ее сочных губах легкую полуулыбку. Было похоже на то, что дочурка совершенно не боялась причуд своего сумасбродного отца.

– Твое пожелание для меня закон, – сладко пропела Найли и кивнула Варне, – прошу, господин...

– Варна. Варна из правящего дома д'Кташин.

– Прошу за мной.

...Они спустились во внутренний двор – идеально круглую площадку, зажатую в обруч древесных стен, миновали арку ворот и неторопливо пошли по дороге, посыпанной мраморной крошкой. В разогретом солнцем воздухе плавился чуть сладковатый аромат красных хризантем, да их и росло немало на тщательно возделанных клумбах. Варна не очень-то любил эти цветы, они казались ему слишком мелкими, а запах – слишком навязчивым. Оставит прислуга букет на ночь в спальне – поутру обязательно жди головной боли.

– Мне нравятся красные хризантемы, – сказала Найли, желая завязать разговор. Варна не стал отмалчиваться.

– Я предпочитаю розы, особенно альпийские. Их привезли недавно Великому Магистру, и он собственноручно занялся ими... А скажите, Найли, вы знали Ильверса? Ведь он, получается, ваш брат.

Девушка передернула плечиками, по ее свежему личику скользнуло выражение непонятной досады. Будто юной дэйлор не понравилось, что маг заговорил о ком-то кроме нее самой.

– Скорее, сводный брат, – с прохладцей в голосе ответила она, – а знаю ли я его? Нет, пожалуй, что нет. Я редко бываю в поселке рабов, мне там делать нечего. К тому же, там слишком грязно и воняет.

– А как вы думаете, почему он решил сбежать? Как раз в тот миг, когда его судьба должна была измениться?

– Откуда мне знать? – дэйлор нахмурилась, сорвала хризантему и, смяв, бросила под ноги, – возможно, у него были иные планы... Или же кто-то помог ему.

И выразительно покосилась на Варну, который сделал вид, что любит цветы. Мраморная крошка под ногами закончилась, и теперь они шагали по простой брусчатке, по обе стороны от которой кучерявились кусты тамико, дающей прекрасные мучнистые клубни, из которых дэйлор с незапамятных времен пекли хлеб.

– Поселок недалеко, – сухо пояснила Найли, – еще немного, и вы сполна ощутите вонь, которой там все пропитано.

Им стали попадаться рабы, снующие туда-сюда с корзинками, полными плодов тамико; завидев Найли, они поспешно падали ниц, рассыпая свою ношу. А через недолгое время Варна увидел их жилища.

– Что-то мне не хочется туда идти, – скривилась Найли, – может быть, вы не будете настаивать на том, чтобы я вас сопровождала?

– Да, да, конечно... – у Варны по-прежнему из головы не шла женская фигурка в темной зале, на самом кончике языка так и вертелся вопрос, но маг все не решался спросить напрямую. Потом все-таки поинтересовался, – скажите, Найли... Вы бы обрадовались, если бы ваш отец взял бы Ильверса в замок?

Дэйлор, прищурившись, внимательно посмотрела на Варну.

– Отчего вы задаете мне такие вопросы? Вы подозреваете меня в том, что я устроила Ильверсу побег? Или, еще того хуже, убила его и его мать? Фу, Варна, зачем мне это нужно? Тем более, что по закону я не могу быть наследницей дома. Самое лучшее, чего я могла ждать – это удачной партии с высокорожденным!

Слегка растерявшись от полученного отпора, Варна не нашелся, что и сказать. Хотя... То, что столь гневно излагала эта девушка, было бы неплохо проверить...

– Простите, если, сам того не желая, оскорбил вас, – сказал маг, – я не смею больше вас задерживать и сам осмотрю все, что мне интересно.

Найли капризно оттопырила губы.

– Вы незаслуженно обижаете меня, господин маг.

– Еще раз приношу извинения.

– Тогда – я ухожу. Удачного вам дня.

И, круто развернувшись, она заторопилась прочь по той же дорожке, по которой они пришли.

Варна провожал ее взглядом, пока светло-лиловая накидка не скрылась за поворотом, а затем направился к десятку грязных хижин, сбившихся в кучу.

Дом Ильверса он нашел без труда, стоило только обратиться к памяти Силы земли и вызвать образы тех, кто ходил по ней. Точно также Варна увидел, как за молодым магом и его матерью зашел дэйлор, и как повел их куда-то. След радости Ильверса до сих пор остался на земле – легкий, искрящийся. И Варна пошел по этому следу, ничего не видя вокруг и безуспешно пытаясь понять – куда среди ночи могли вести двух рабов. Под сердцем зашевелилась тревога: ох, похоже лгала Найли, лгала... И, видать, она имела к происшедшему самое прямое отношение... Варна ни на мгновение не допускал, что все это дело рук Великого Магистра. Старик не стал бы опускаться до подобных интрижек.

Варна и сам не заметил, как перешел на бег; след затягивал его, заставлял спешить вперед, к Истине. Земля Дэйлорона, пронизанная Силой, хранила образы, отпечатки мыслей, позволяя Варне восстанавливать последовательность событий ничем не хуже заправского следопыта. Вдруг след оборвался. Не веря своим глазам, маг уставился под ноги – и увидел...

Кровь. Здесь явно пролилась чья-то кровь. Она впиталась в землю, но осталась черными липкими сгустками на траве.

Охнув, Варна опустился на колени, чтобы быть ближе к следу, чтобы почувствовать до мелочей – все, что здесь произошло.

Самый последний осколок памяти земли – уже не радость, а только страх, отчаяние и непонимание происходящего... Эта чудовищная мешанина агонии ударила в сознание, как молния, заставляя Варну взвыть от боли. И сомнений больше не осталось.

– Кому это было нужно? – прошептал маг, поднимаясь с колен, – Найли? Верно, это все могла только Найли подстроить... И это она, несомненно она подслушала их с Эвором разговор!

Варна стиснул зубы. Все вдруг стало ясным, как день; оставалось только вернуться в замок и как следует припугнуть девчонку, чтобы сама все рассказала. И не только ему, но и своему папаше – пусть благородный Эвор знает, что пригрел на груди болотную гадину. Если, конечно, Найли и в самом деле виновна. Но он, один из лучших учеников Великого Магистра, сумеет выбить из нее правду!

– Варна.

– Учитель? Почему вы молчали, когда я звал вас? Ильверс...

– Да, знаю. Его убили. Возвращайся, Варна, ты нужен здесь. Мое здоровье пошатнулось, мне требуется твоя помощь.

– Но разве мы... не должны что-то предпринять?..

– Нет. Нас не касаются дела домов, Варна. Возвращайся, ты мне нужен.

* * *

...Было тихо. Наверное, такая тишина может царить на самом дне мертвого озера, когда все звуки умирают в слюдяной воде, и нет никого живого у дна, кто мог бы их из себя исторгнуть. Безмолвие обнимало ледяными руками, убаюкивало, и мягко вдавливало в рыхлую плоть небытия, заставляя забыть себя и стать всего лишь частицей того, что живые дэйлор именуют духами предков.

Ильверс, запутавшись в липкой паутине тишины, уже видел их: похожие на серебристые блики лунного света на водной глади, предки манили его к себе. И было ясно: сделай он еще один шаг, и вовсе перестанет существовать для мира живых.

Один дух, маленький и тускло светящийся, подобрался к Ильверсу ближе всех.

– Мой маленький дурачок.

Нет, эти слова не всколыхнули, и не разбили тишины; но Ильверс ощутил их всем своим существом. Услышал – и содрогнулся.

– Матушка? Это... ты?

Дух гордо засиял, разгоняя мрак.

– Прости меня. Это я виноват!

– Ты здесь не причем, Ильв. Наверное, просто настало мое время. Но тебе – слишком рано...

– Но... Мы вернемся? Вместе, ты и я?!!

– Нет.

Она приблизилась. Стало тепло и уютно. Когда-то он был маленькой, беспомощной личинкой, и она согревала его своим телом...

- Оглянись, Ильв. Что ты видишь?

Он подчинился. Для этого не нужно было поворачивать голову, да и не было ее больше, головы; просто захотел – и посмотрел туда, откуда пришел в это тихое пристанище ушедших.

А там – сверкала, переливаясь всеми цветами радуги, Сила. Зеленая, искристая – от леса, синяя, расплывшаяся пятнами, как краска на холсте, – от неба, коричневая – от земли. Привычные ему, знакомые цвета; Сила, которую он уже пытался взять – не раз, и не два, да все не получалось... При жизни... Ильверс вздохнул: вот так, он уже думает о себе, как о навсегда ушедшем к предкам. Но, с другой стороны, разве это было не так?

Он присмотрелся внимательнее к играющим краскам, и вдруг заметил еще одну, ту, которой не видел отчего-то раньше. Она притаилась среди ярких сестричек, черная, как небо в безлунную ночь; размазавшись тончайшими нитями, оплела искрящиеся жизнью цвета, но при этом жила самостоятельно и отдельно от них, не паразитируя, но питаясь чем-то иным, ни лесом, ни водой, ни солнцем...

Ильверс, заморожено глядя на шевелящуюся паутину черноты, потянулся к ней; прочие цвета давно отвергли его, не подпускали к себе – так, может быть, он просто пытался взять то, что ему не принадлежало? И этот черный цвет – как раз то, что ему покорится?

Нити, словно почувствовав его намерения, дрогнули и, медленно разворачиваясь, поплыли к нему, как щупальца гидры. Ильверсу стало страшно – но всего лишь на миг. Затем он решил, что терять ему все равно уже нечего, и, может быть, только перед небытием он сможет осуществить свою давнюю мечту...

А потом волокна непонятной, неведомой Силы охватили и оплели его всего, доставляя невыносимую боль, заставляя дух биться в агонии, хоть и казалось это невозможным. Все вдруг стало понятным – и природа этой Силы, и ее происхождение... Это было всего лишь отражение зла от граней мира, того зла, что живет и в помыслах разумных существ, и в их деяниях. Это было отражение

убийств и предательств, криков истязаемых жертв и жестокого смеха палачей, детских слез и сгорающих в пламени войн королевств. Ильверс вдруг увидел и самого себя, исковерканное, истекшее кровью тело, выброшенное течением на пологий песчаный берег. Мельком взглянул в навеки замершие глаза матери, опускающейся на дно тихой заводи...

Сила, к которой он посмел прикоснуться, была чуждой народу дэйлор. Прожигала Ильверса насквозь, как каленое железо. Растерявшись, он попробовал отпрянуть назад, но черные щупальца не желали расставаться со своей добычей, держали крепко и надежно.

- Ты ведь выбрал? Ну так не отказывайся теперь!

Ильверс, извиваясь в агонии, только и смог, что беззвучно выкрикнуть:

- Я не могу... Не могу! Зачем ты мне?!!

Вопрос остался без ответа. Но уже в следующее мгновение Ильверс снова увидел в сине-зеленоватой мути лицо своей матери, на котором застыло извечное выражение покорности. Проклятая судьба на проклятой земле... И он начал понимать.

Дэйлор еще раз дернулся в объятиях силы Отражения, затем еще и еще. А потом... Перестал сопротивляться и позволил раскаленным штырям пройти сквозь свое эфирное, несуществующее тело. Раскрылся навстречу боли и темноте, погасившей сияние вокруг него.

- Я понял. Ты и в самом деле нужна мне. Я хочу, чтобы мое тело вновь ожило.

- Но теперь это в твоих силах, маг.

Внезапно ему стало легко и хорошо. Откуда-то появился запах молодой хвои, нагретой солнцем... Ильверс, сливаясь с пружинящими нитями, летел вверх, прочь из вязкой тишины, туда, где были живы звуки - журчание воды, веселая трескотня кузнечиков в траве.

- Мама, мама! Тут мертвец!

- Где мертвец, Золушка?

- Да вот, тут, у воды!

- Отойди, отойди, милый... Не лезь-ка, а то ночью приснится.

Ильверс увидел собственное тело, совсем близко. Оно показалось ему неестественно бледным и каким-то неправильным. Что-то было не так, как обычно, но в следующий миг он уже понял, что именно.

Тело было бездыханным.

Не медля более, дэйлор позволил себе почувствовать наполненные водой и кровью легкие, а затем, сам не осознавая, что делает, ударил в них чистой Силой отражения.

- Мама, а у него изо рта вода льется...

Вторую порцию Силы он плеснул в глубокие раны, сращивая рассеченные сосуды. Третья заставила биться сердце.

- Мама!!!

- Ну что тебе, Золушка? Сказала же, отойди от мертвеца! Ну, сейчас, сейчас подойду...

- Он оживает!

Ильверс в последний раз огляделся. Духи предков были теперь далеко-далеко; ему показалось, что одна крошечная светящаяся точка отбилась от стаи, но потом быстро присоединилась к своим.

- Прощай, матушка.

Ильверс поглядел на свое содрогающееся в конвульсиях тело - и, не отпуская черные плети, нырнул внутрь.

Больше он ничего не чувствовал и не помнил.

* * *

Высоко над головой приятно белел потолок. В косом луче плавали пылинки. Где-то сварливо зудела муха.

Ильверс попробовал повернуть голову, но мышцы не слушались – получилось судорожно-беспомощное движение. И все.

Однако этого хватило для того, чтобы привлечь к себе внимание странного существа. Оно было похоже на дэйлор, но очень маленького роста, к тому же, светловолосое. Да еще глаза оказались не черного цвета, как полагается, а ярко-синего, как два озерца, в которых отражается летнее небо. Существо что-то пропищало и, громко топая, унеслось прочь.

Ильверс вздохнул и попытался понять, что с ним стряслось и где он, собственно, находится. Но в голове плавали ошметки багрового тумана, они мешали думать и вспоминать, и дэйлор сдался – временно, конечно же.

Снова прибежал странный малыш, таща за руку взрослую женщину – полную и некрасивую. Ее рыжеватые волосы были заплетены в одну косу, смуглая кожа усыпана мелкими коричневыми пятнышками, а глаза – опять не-дэйлорские, веселого синего цвета. Она несколько мгновений смотрела на Ильверса, затем что-то сказала и пощупала ему лоб. Пальцы оказались шершавыми, мозолистыми – привычные, искореженные тяжелой работой руки раба.

Он не понял ни слова.

Набрав в легкие побольше воздуха, прохрипел:

– Кто вы?

Но они, в свою очередь, не поняли его. Переглянулись между собой, затем женщина отослала маленького дэйлор (или не-дэйлор?) куда-то, а сама уселась в изголовье и принялась что-то говорить Ильверсу. Он по-прежнему ничего не понимал, но вдруг проснулась Память Предков; в затуманенном слабостью и

болью сознания запылали яркие картины, одна за другой, и дэйлор осознал, что...

Что попал к людям, которые издавна приходились народу дэйлор самыми непримиримыми врагами. Если не считать n'tahe, народ Зла, конечно.

Ибо люди, появившись на востоке, под хрустальным небосводом мирка дэйлор, и обладая немислимой способностью размножаться даже в самые тяжелые времена, вытеснили их с законных земель. Никто не знал, почему все случилось именно так; может быть, потому, что численность дэйлор как-то сама по себе шла на спад, а людей становилось все больше и больше?

Ильверс поглядел на рыжеволосую женщину, и та ему тепло улыбнулась. Проклятая Память Предков! Почему она появляется так внезапно, не предупреждая? Ведь раб Ильверс, никогда раньше не видавший людей, не знал и того, что они – враги.

А память тех, кто жил раньше, не умолкала, втискивая в сознание дэйлор все новые и новые знания, все то, что было известно о людях. Ильверс внимал; ему порой становилось страшно, порой смешно – хотя бы от того, что у людей нет личинок, и нет волшебства перерождения в коконе... Да и вообще, Сила мира недоступна этим примитивным созданиям, они лишь видят силу, порожденную связью вещей... Выходило так, что дэйлор во много раз мудрее и сильнее, но отчего же тогда их раса медленно, но верно угасала, тогда как люди завоевывали все новые и новые земли?

Снова прибежал мальчишка – теперь Ильверс знал, что это просто людской ребенок, почти такой же беспомощный, как личинка дэйлор. Он принес глиняную кружку, исходящую паром.

Женщина опять что-то сказала, и, не успев Ильверс попытаться уйти от ее прикосновений, уверенно подсунула крепкие пальцы под затылок и приподняла голову. Другой рукой она взяла кружку и поднесла к его губам. В ноздри ударил запах свежего мясного отвара.

«И это мои враги», – мелькнула мысль, – «я должен их ненавидеть... что мне делать?»

Память предков молчала, снова исчезла за темной завесой небытия.

* * *

Женщину звали Тома. Сыну ее, Золюшке, а в будущем – Золию, недавно исполнилось восемь зим, и за неимением отца, два года назад погибшем во время набега дэйлор, мальчик считал себя главой семьи. Домик их стоял на отшибе, недалеко от желтой полосы речного берега, и в то утро Тома и Золюшка полоскали на реке белье. Вернее, Тома полоскала, а Золюшка забавлялся тем, что делал из щепок купеческие ладьи, оснащал их парусами из дубовых листьев и запускал в далекое плавание. Золюшка первым увидел, как течение реки, в том месте достаточно быстрое, прибило к берегу утопленника – бледного и страшного, с еще свежей, набухшей водой раной на груди. Золюшка осторожно подошел к мертвецу и заглянул ему в лицо; повидав на своем коротком веку немало пленных и убитых дэйлор, мальчишка моментально определил, кто перед ним, и жалость, которую он испытывал, мгновенно сменилась гневом: Золюшка помнил, как погиб его отец, утыканный стрелами нелюди. Он позвал мать, но Тома была слишком занята. Да и редкое ли дело – утопленник?

И Золюшка уже было хотел развернуться и уйти, как вдруг тело мертвеца задергалось, изо рта хлынула вода вперемешку с кровавыми сгустками, а рана на груди, хлестнув по песку тонкой струйкой крови, стянулась сама по себе, уменьшилась...

Вот тогда уже Золюшка испугался по-настоящему. Страх цепко сдавил горло, тесня дыхание. Но тут, наконец, появилась мать; Золюшка вцепился в крепкую мокрую руку и потащил ее прочь, подальше от странного, дергающегося утопленника. Но мать будто с ума сошла – вырвалась и, крадучись, подошла к дэйлор, который к этому времени уже перестал дергаться и затих, замер, бессильно раскинув руки.

– Он живой, – удивленно протянула Тома, – живо-ой...

И взглянула на Золюшку, безмолвно спрашивая совета.

– Пойдем, ма, – сказал он, – это же...

– Я и сама вижу, – вздохнула Тома. И, совершенно неожиданно, провела рукой по гладкому лбу нелюди, убирая спутанные черные волосы.

– Ма, пойдём, – упрямо повторил Золюшка. Происходящее нравилось ему все меньше и меньше. И дело было даже не в найденном дергающемся утопленнике, а в том, как смотрела на него мать...

– Но он не умер, Золий, – строго сказала Тома, – и хоть он и нелюдь, а все же тварь живая и страдающая. Мы должны взять его домой... Только, чур, никому из друзей ни слова!

К несказанному удивлению Золюшки, мать решила пожертвовать простыней для того, чтобы дотащить принесенного рекой дэйлор до дома. Они осторожно перекатали безвольное тело на полотно, при этом стало видно, что вся спина лже-утопленника покрыта свежими розовыми рубцами. Тома пощупала их, покачала головой и ничего не сказала. Потом они долго волокли дэйлор по траве, он не приходил в сознание, но уже на пороге вдруг открыл глаза и слепо уставился на Золюшку своим страшным нелюдским взглядом. Посмотрел-посмотрел, и снова лишился чувств.

... Три дня дэйлор не приходил в себя, три дня Тома не отходила от него ни на шаг, и три дня Золюшку так и подмывало похвастаться деревенским мальчишкам о столь необычной находке. А на четвертый день нелюдь очнулся, но был настолько слаб, что не мог даже сидеть. К тому времени Золюшка уже не считал его страшным, и его терзало любопытство, откуда взялись шрамы на спине дэйлор, кто нанес смертельную рану в грудь, и каким образом могут оживать утопленники.

* * *

Ильверс выздоравливал долго, словно мир духов никак не желал расставаться с ускользнувшей добычей. За окном весна незаметно перелилась в лето, а дэйлор все еще не находил в себе сил подняться с кровати. Ильверсу было мучительно стыдно от осознания того, что за ним ухаживают враги народа дэйлор, но он не мог поделаться с собой ровным счетом ничего. Тело не слушалось, в груди засела противная, саднящая боль, а удовлетворение самых простых потребностей вытягивало последние крохи сил.

Зато теперь у него была уйма времени на размышления, да еще на изучение людского наречия. Маленький человечек по имени Золий, или, как его звала мать, Золюшка, бывало, проводил дни у постели дэйлор – и это вместо того, чтобы играть с другими людскими мальками. Напустив на себя важный вид, Золюшка старательно втолковывал Ильверсу значения разных слов, а позже, когда тот помаленьку начал понимать чужую речь, занимал его людскими сказками, слышанными от матери.

Ильверс легко осваивал людское наречие; все новое впитывалось в его память, как вода в сухую землю. К середине лета он начал потихоньку разговаривать, и тогда к беседам подключилась хозяйка дома.

– Я... не могу... благодарить вас после, – запинаясь и торопливо подбирая слова, сказал ей дэйлор. Наверное, это не совсем правильно отражало его мысль, но Тома все поняла. Она улыбнулась – по-особенному светло, отчего на душе у Ильверса вмиг стало хорошо и уютно.

– Но нам ничего от тебя и не нужно. Выздоровливай и возвращайся к своим. Тебе ведь надо в Дэйлорон, так?

Ильверс невольно нахмурился. В Дэйлорон? Разумеется, ему следовало подумать о возвращении, но имеет ли смысл идти туда, где его уже попытались убить, и где лишили жизни ни в чем не повинную женщину, его мать?

Дэйлор взглянул на Тому, и понял, что она опечалена его реакцией.

– Я был... меня убивать там, – словно оправдываясь, сказал Ильверс, – моя мать была... убивать...

Тут он замялся, понимая, что смысл сказанного начинает путаться, и что Тома может неверно истолковать его слова. Она кивнула.

– Да, понимаю. Ты хочешь сказать, что тебя хотели убить, а твою мать убили в Дэйлороне?

Ильверс торопливо кивнул и закончил свою мысль:

– Я не... вернуться туда. Я отомстить, потом вернуться.

Тома понимающе кивнула, затем взяла его руку в свои теплые, мозолистые пальцы.

– Забудь о мести и выздоравливай поскорее.

...Что до размышлений, то Ильверс предавался им по ночам, когда лунный свет косыми серебристыми снопами врывается в темную горницу, расплескиваясь по дощатому полу. Дэйлор много думал о том, почему все так случилось, кто мог быть виновником происшедшего, и что делать дальше. Он изводил себя вопросами, на которые не находил ответа; в голове, как бобы, перекатывались два имени: Варна и Эвор. Чего на самом деле хотел от него маг, назвавшийся Варной? И мог ли Эвор по каким-либо причинам приказать Кэйтуру убить двух рабов, собственного сына и его мать? Мысли путались, сплетались, завязывались тугими мудреными узлами. Ильверсу хотелось плакать от беспомощности, но потом, в одну душную ночь, под оглушительное пение цикад, он понял, что зря мучает себя. Ильверс решил, что отомстит им всем: и Эвору, и Варне, и Кэйтуру, и... И Найли. Оставалась незначительная мелочь – подняться на ноги и обрести могущество, достаточное для осуществления его планов.

Было еще кое-что, заставляющее Ильверса беспокойно ерзать на подушках: дэйлор чувствовал, что меняется. Неведомо как, но меняется, и эти изменения затрагивали и тело, и разум, и то, что называют духом дэйлор. Он не помнил, что с ним произошло тогда, за порогом жизни, но чувствовал – это спасло его от окончательного ухода к предкам, и это же теперь трудилось над всем его существом.

Изменения пока были незначительными, ностораживающими. Например, Ильверс больше не скорбел о матери; на ее месте в душе появилось темное равнодушие. Ему будто стало безразлично, была мать вообще или ее никогда не было. И, вспоминая Найли, высокомерную и утонченную, Ильверс больше не испытывал желания испепелить ее или придушить; отчего-то он знал, что просто убьет ее, перешагнет через тело и пойдет дальше, не оглядываясь. К Томе и Золушке Ильверс тоже не чувствовал ровным счетом ничего – ни особой благодарности, какую должен ощущать спасенный к спасителям, ни ненависти, какую должен чувствовать враг к врагам своим. Всюду царил равнодушная, холодная пустота, и, когда Ильверс размышлял над этим, ему порой становилось страшно; он был уверен, что до своей временной смерти он чувствовал бы все

по-другому. Порой казалось, что все его чувства просто разбавлены холодной болотной жижей, и она постепенно заполняет все закоулки его души.

Тело тоже менялось; это было незаметно внешне, но дэйлор ощущал, как нечто извне то и дело прикасается к нему, словно проверяя, как идет выздоровление. Иногда дэйлор чувствовал, как что-то невидимое толчками вливается в него, и тогда сил прибавлялось, он чувствовал себя гораздо лучше.

Все это оставалось непонятным. О, если бы вспомнить!.. Но память испуганно скрывалась за туманной дымкой, пряча то, что он так хотел знать.

... В начале осени Ильверс смог подняться с кровати и впервые, поддерживаемый Томой и Золюшкой, прошелся по горнице. Силы, как ни странно, прибавлялись с каждым часом, и на следующий день дэйлор самостоятельно помылся. Тома, с его позволения, побрила его, остригла волосы – совсем коротко, по-людски, так, что они топорщились в разные стороны черным ершиком, а в довершение всего намазала ему голову каким-то снадобьем, отчего иссиня-черный цвет обратился соломенно-желтым.

– Так в тебе не каждый узнает дэйлор, – заметила она удовлетворенно.

Ильверс молча кивнул.

И дни покатались один за другим. Дэйлор остался жить с Томой и Золюшкой, помогая по хозяйству. Любопытные деревенские бабы видели в нем невестку откуда взявшегося любовника овдовевшей Тома, мужики – беглого каторжника. И никто не видел в нем просто дэйлор.

Тома все чаще заговаривала о том, чтобы продать здешнее хозяйство и уехать на юг, в Алларен, к родной сестре, которая в свое время сбежала из отчего дома с проезжавшим купцом, да так и осталась жить в городе. Ильверса не особенно радовала перспектива длительного путешествия, но он считал своим долгом заверить Тому в том, что сопроводит их до самых дверей сестрицы Тамы, а потом отправится, куда глаза глядят. В общем-то, Тома была права: муж ее был убит дэйлор (что не было редкостью для жителей пограничных земель), а Золюшке только-только минуло девять годков – какой из него работник?

– Мы проживем немного в Алларене, Тама мне не откажет, – говаривала женщина, – может быть, Золюшку смогу пристроить куда-нибудь ко двору... В городе-то легче жить...

И Тома начала договариваться о продаже своего хозяйства, но ей не было суждено ни продать его, ни увидеть белые башни Алларена.

* * *

Дом, где Ильверс прожил все лето и начало осени, стоял у самого берега Эйкарнаса. Чтобы попасть в деревню, нужно было пройти сотню шагов по узкой стежке, что огибала выгнувший травянистую спину холм, миновать три искореженные временем и стихией сосны, из последних сил уцепившиеся корнями за землю, и только тогда взгляду открывался высокий, потемневший от времени частокол.

Деревенские побаивались отрядов дэйлор, что нет-нет, да появлялись в людских землях, мстя за несостоявшуюся, но уже проигранную битву. По ночам несли дозор, жгли костры – чтобы заодно отвадить от деревни и народ зла. Иногда подобная бдительность спасала, иногда – нет. Но, не взирая ни на что, деревня возрождалась после очередного потрясения, и люди снова боролись за жизнь и радовались ей.

Беда пришла одной из осенних туманных ночей, тех, что поутру оседают на траве мелкими серебристыми каплями и уходят прочь от солнца в мокрую, черную землю.

Ильверс проснулся от того, что услышал чей-то короткий вскрик. В первое мгновение он подумал, что это – плод его воображения, порождение захлестнувших друг друга сна и яви. Но нет. Далекий, тревожащий душу крик повторился, ему вторил другой, третий... Приподнялась на своей постели Тома, прислушалась – а затем, босая, в одной рубахе, кинулась к сладко посапывающему Золюшке.

– Просыпайся, просыпайся! Оба просыпайтесь!!!

Ильверс сел на кровати, непонимающе уставился на Тому – что могло так напугать эту всегда спокойную и улыбчивую женщину? Теперь же на ней лица не было, и в лунном свете она куда как больше походила на бледного призрака, чем на живого человека.

– Ильв, скорее... Уходим!

Последнее слово она уже выкрикнула. Золушка, на удивление быстро стряхнувший остатки сна, принялся натягивать штанишки, но мать схватила его за руку и дернула к двери.

– Не до того! Уходим, быстрее! Набег дэйлор, не иначе... что там в деревне творится, милостивые небеса...

И бросила сердитый взгляд на Ильверса, будто он был виноват в происходящем.

Через считанные удары сердца они выскочили из дома и, белея рубашками в пронизанной лунным светом темноте, побежали к пролеску, вниз по течению Эйкарнаса. Дэйлор обернулся и увидел, что небо за холмом отражает сполохи пламени.

– Бежим, бежим, – задыхаясь, повторяла Тома, – Золушка, к лесу давай!

За спиной раздались крики; дэйлор без труда разобрал родное наречие. Их все-таки заметили!

Зло свистнула стрела, другая. Третья царапнула Ильверсу плечо. И он понял, что им уже не уйти.

Теперь... Оставалось повернуться к преследователям и крикнуть – громко, во всю силу легких, о том, что он – дэйлор... Но вместо этого Ильверс припустил еще сильнее, прочь от своих соплеменников, вместе с врагами его народа.

Вдруг Золушка, бегущий впереди, споткнулся и упал; Тома зарычала, как раненная медведица, бросилась к сыну. Рывком дернула его вверх и торопливо ощупала.

– Мама-ааа! Нога... – только и пискнул маленький человечек.

Ильверс метнулся к ним, подхватил Золюшку на руки, схватил задыхающуюся Тому за локоть и потянул ее за собой, к темнеющему ельнику. Но они потеряли мгновение – и те, кто шел следом, воспользовались заминкой.

Свист стрелы, вспарывающей сырую ночь – и женщина, словно с разбегу натолкнувшись на невидимую преграду, медленно начала оседать на траву.

Золюшка на руках взвыл, задергался, пытаясь вырваться; Ильверс успел сделать еще несколько шагов, прежде чем ему это удалось. Вопя во все горло, мальчишка кулем свалился на траву и, вместо того, чтобы бежать к деревьям, на четвереньках пополз в обратном направлении. К Томе.

– Идиот, – в сердцах выдохнул дэйлор, – какой дурак...

Он схватил Золюшку поперек туловища, крутнулся, уходя от очередной стрелы, и едва почувствовал, как ее сестренка пробила навылет голень. Мальчуган вырывался, словно обезумев и, не переставая, вопил.

А преследователи подходили все ближе и ближе.

...Еще шаг, еще и еще. Теперь и рана дала о себе знать – серой пеленой слабости. Ильверс выронил брыкающегося Золюшку и, задыхаясь, повернулся лицом к дэйлор.

Их было четверо, высоких, статных воинов, и каждый был вооружен луком. А он, Ильверс, урожденный раб дома д'Аштам – один. Да еще Золюшка, добравшись до Тома, громко всхлипывал, уткнувшись лицом ей в шею.

– Кончайте с ними, – донесся приказ.

Один из лучников кивнул и скупым движением натянул тетиву.

В эти последние мгновения Ильверс все еще оставался на перепутье: крикнуть, что он – дэйлор, и вернуться к своим, переступив через тело пока что живого Золюшки, или, стиснув зубы, гордо принять смерть от стрел соотечественников,

разделив судьбу человеческого детеныша? Другого выхода из положения он не видел.

И тут Ильверс замер, почувствовав... О, ему были известны эти ощущения, вернее, Память Предков нашептывала, что все должно быть именно так... Для мага, владеющего Силой. Любой.

...Она струилась отовсюду, та единственная сила, которая была ему послушна: сочилась черной смолой из земли, из-под ног четверки дэйлор, текла по дороге со стороны горячей деревни, липкими нитями спускалась от самых хрустальных граней мира. Шевельнулось что-то в памяти – не предков, а именно его, Ильверса. И он вдруг вновь увидел себя, одиноко висящим в пустоте и тянущимся к неведомым черным щупальцам. И, наконец, понял, что должен – и что может сделать.

Ильверс коротко рассмеялся, принимая в себя силу отраженного зла. Да, именно таким он стал – и больше никто не посмеет унижить его или причинить боль! Он стоял по колени в иссиня-черной, тягучей реке, и ощущал, как обжигающе-ледяная сила поднимается вверх, к рукам.

В этот миг дэйлор пустил стрелу, метя в Золюшку, но она рассыпалась пеплом, так и не долетев до цели.

«Я стану тем, кем пожелаю», – мелькнула приятно-горчащая мысль, – «и все это я получу сам... и не земля моих предков даст мне все это!»

Ильверс улыбнулся и, выбросив руки в направлении озадаченных дэйлор, позволил силе течь сквозь себя, по пути изменяя ее и превращая в поток голубого пламени.

... Он стоял и спокойно смотрел, как мечутся его сородичи, обратившиеся живыми факелами. Потом, когда они упали на траву и затихли, Ильверс медленно подошел к замершему Золюшке.

Мальчик все еще судорожно цеплялся за ворот Томиной рубашки, и в его голубых глазенках метался животный страх. Ильверс устало опустился рядом. Одного взгляда на Тому хватило, чтобы понять – она уже никогда не поднимется, и никогда не улыбнется своей теплой, доброй улыбкой. К

собственной досаде, Ильверс не испытал ничего, кроме тусклого, почти бесцветного сожаления обо всем случившемся. Но Золюшка, Золюшка-то был жив, и с ужасом взирал на подобранного у реки нелюдя.

Ильверс попытался ободряюще улыбнуться – но улыбка была скорее похожа на оскал.

– Золий... Надо уходить отсюда, пока другие не пришли.

Мальчик всхлипнул. Его трясло в ознобе, а пальцы все еще не хотели отпустить мать.

– Золюшка, – Ильверс вздохнул. Как же трудно было подыскать подходящие слова... которые и не нужны сейчас вовсе... – Золюшка... Твоя мама уже ушла на небеса, в сады Хаттара. Не надо горевать, когда-нибудь ты встретишь ее снова.

– Почему ты не спас маму? – вдруг спросил мальчишка, – ты же мог?..

Дэйлор пожал плечами.

– Прости. Я и сам не знал, что могу... вот так...

Он не лгал. Если бы ему сказали часом раньше, что он, нигде и никогда не учившийся, сожжет четверых воинов, Ильверс рассмеялся бы в лицо шутнику.

– Прости, – повторил он, – я не знал, что смогу...

Золюшка шмыгнул носом. Ему очень хотелось плакать, потому что мама навсегда оставила его, но он уже чувствовал себя мужчиной, а потому из последних сил сдерживал слезы.

– Жал...ко... – сказал он. И погладил Тому по еще теплой щеке, – жалко...

Ильверс взглянул на небо, окрашенное кровью близкого пожара, и ткнул пальцем в бархатистую даль.

– Смотри, Золюшка, видишь во-он ту звезду?

– Какую? Их там много...

– Вон та, маленькая, рядом с большой?

Мальчик потер глаза и пригляделся внимательнее.

– Вижу.

– Это душа Тома. А рядом, большая звезда, душа твоего отца. Они все уходят на небо, и всегда будут смотреть на тебя, и помогать, если попросишь...

Золюшка вздохнул – печально, по-взрослому.

– Врешь ты все, Ильв. Эти звезды всегда там были.

– А вот и не были, – уверенно сказал дэйлор, – когда я только что покинул кокон, я любил смотреть на звезды, и знаю их наперечет. Этих – не было.

Мальчик пожал плечами, продолжая гладить мать по лицу.

– Мы должны похоронить ее, – серьезно сказал он, – так положено.

– Обязательно. Только... Что у тебя с ногой-то? – торопливо спросил Ильверс. Последние несколько мгновений его мучило странное предчувствие, неясное желание поскорее отсюда убраться. Пространство, которое видят только маги, содрогалось, словно сквозь него полз большой червь.

– Не знаю. Болит сильно.

– Дай-ка, погляжу.

У Золюшки оказалась вывихнута лодыжка; Ильверс приказал ему зажать зубами щепку, дернул за ступню и поставил сустав на место. Вспомнив про свою ногу, осмотрел пробитую голень – ни стрелы, ни раны. Неужто сказывалось действие

силы? Впрочем, раздумывать было некогда: слои сущего содрогались, готовые вот-вот раскрыться и выпустить... кого? Ильверс не знал.

- Золушка... Надо уходить, быстро. Еще не все закончилось.

Мальчик прищурился.

- Ты что-то чувствуешь?

Последняя невидимая преграда между миром и неведомым чудовищем затрещала.

- Бежим! - выдохнул дэйлор.

Быстро оглядевшись, Ильверс увидел недалеко сильно разросшийся вереск; схватив Золушку за руку, он поволок его за собой, в плохое - но все же убежище.

Они успели. Лежа в самой гуще пахучих стеблей и боясь лишней раз шевельнуться - чтобы, упаси Память предков, ветка не хрустнула, Ильверс и Золушка наблюдали, как воздух сперва засветился золотисто-коричневым, затем слепящее полыхнул, и как на место первого выигранного Ильверсом боя ступил дэйлор.

Он был в длинном кафтане, тускло отливающим красным; ни лука, ни меча при нем не было, только огромный кристалл горного хрусталя в руке.

Дэйлор неторопливо огляделся, подошел к обгоревшим телам воинов и задумался, склонив набок голову. Затем, подобрав полы кафтана, присел на корточки рядом с останками и принялся зачем-то водить над ними кристаллом, внутри которого то и дело вспыхивали ярко-голубые искры.

- Любопытно, - донеслось до Ильверса бормотание, - очень любопытно... И при чем здесь народ Зла, хотелось бы мне знать...

Вдруг он резко выпрямился и, повернувшись, уставился на вересковые заросли. Ильверс похолодел - неужели видит?! И что тогда? Тогда... сражаться с ним? Но

одно дело – испепелить лучников, а другое – схватиться с самым настоящим магом. И победа в такой схватке показалась Ильверсу весьма сомнительной.

Но маг искал не их. Хмыкнув, отвернулся, бросил мимолетный взгляд на Тому – а потом вдруг провалился в темный воздух. А Ильверс ощутил, как завибрировали слои пространства, пропуская чародея обратно в Дэйлорон.

– Кто это был? – сдавленным шепотом спросил Золюшка, – он нас искал?

– Не знаю, – Ильверс задумчиво покачал головой, – наверное, не нас. По-моему, он искал n'tahe, народ Зла...

И, встретив полный непонимания взгляд мальчика, принялся пояснять:

– Ну, народ Зла – это зеркальники, упыри, ночницы... понял?

Золюшка молча кивнул.

– Странно только, почему он искал их здесь... Ну да ладно.

Мальчик опять шмыгнул носом. И, как-то совсем по-взрослому спросил:

– Ты меня не бросишь, Ильв? Один я остался... И деревни больше нет.

Ильверс отодвинулся от него и внимательно посмотрел в блестящие слезами глазенки. Было похоже на то, что парень и вправду хочет остаться с ним. Дэйлор откашлялся.

– Я не слишком хорошая для тебя компания, Золюшка. Мы отправимся в Алларен, к твоей тетке. И, уж будь спокоен, до того, как я перепоручу тебя Таме, ты не будешь скитаться сам.

Золюшка вздохнул. Его взгляд оторвался от лица Ильверса и, совершив короткий бег по сырой траве, остановился на замершей навеки матери.

Город белых башен

Варна все-таки наведалься еще раз во владения Эвора д'Аштам – никому не говоря ни слова, инкогнито, обрядившись в черную мантию Ищущего мага. Хоть и не одобрял он этих новомодных веяний, никому непонятных исканий, коими занималась молодежь – однако ж Ищущий чародей мог путешествовать где угодно, заглядывать в любые владения и – никому бы и в голову не пришло спрашивать, кто он такой и что ему надо.

Внешность свою Варна тоже изменил: слегка вытянул нос, сузил лоб, опустил внешние уголки глаз и губ, одним словом – изменился на самую толику, но узнать его было нелегко.

Вот в таком виде он мог бродить по владениям Эвора столько, сколько бы ему заблагорассудилось.

... Он шагнул на берег Эйкарнаса, погасил портал за спиной и, придав лицу самое скучающее выражение, на какое только был способен, медленно побрел вперед.

Стояли последние осенние деньки, и Дэйлорон готовился встретить зиму – с неглубоким пушистым снегом, морозящими дождями и промозглыми ветрами. Деревья давно сбросили свои золотистые и багряные уборы; стояли, скорбно покачивая мокрыми ветками. И только вечнозеленые кусты тамико радовали взор, да цветки мелких поздних хризантем, что будут держаться на потемневших стеблях до первого снега. А под ногами сочно чавкала грязь вперемешку с сухими травинками и мертвыми листьями.

Если бы Варну спросили, зачем он отправился во владения Эвора, он бы сперва долго думал, а потом сказал бы, что хочет еще раз побывать на том месте, где погиб молодой маг Ильверс, и попытаться выяснить, кто же на самом деле убийца. И это оказалось бы правдой – но только отчасти: Варна был уверен в том, что виновница происшедшего – красавица Найли, и теперь, когда выдался свободный денек, ему хотелось просто убедиться в собственной правоте.

На узкой дорожке он с трудом разминулся с двумя крепкими надсмотрщиками; те, вместо того, чтобы схватить за шиворот наглеца, просочившегося во

владения д'Аштам, только учтиво поклонились и поспешили дальше. Варна улыбнулся в тени капюшона – все-таки не стоит недооценивать те преимущества, которые давало одеяние Ищущего. Затем он столкнулся нос к носу и с самим хозяином земель: Эвор собственной персоной куда-то шел в сопровождении трех стражей спокойствия главы дома. Варна смиренно поклонился, получил в ответ высокомерный кивок и пошел дальше.

Маг добрался до поселка рабов; повсюду было пусто и тихо. Только на пороге одной лачуги сидел немолодой дэйлор, нахохлившись, как больная птица. Время от времени его сотрясали приступы кашля, и тогда он просто утыкался лицом в острые колени.

«А ведь он уже долго не протянет», – хмуро подумал маг, – «а еще жил бы и жил...»

В конце концов, Великому Магистру недавно миновало три столетия; вот, пожалуй, предел длительности жизни дэйлор. Разумеется, без магии тут дело не обошлось – учитель умел тянуть жизнь из самой священной земли. И неясно, сколько бы еще мог прожить старый маг, если бы оставался при здравом рассудке! Потому как угасание мысли есть неизменное начало конца...

Размышления Варны прервал тот самый больной старик.

– Господин маг!

– Что тебе? – Варне хотелось, чтобы голос звучал как можно мягче; ему было жаль этого больного старика, которому и жить-то осталось недолго.

Кутаясь в тряпье, дэйлор поднялся и несмело приковылял ближе.

– Вы уж простите меня, за то, что обращаюсь, – сказал он, – совсем я дурной стал, немочь проклятая заела... Но вы, господин маг, уже второй раз здесь, только в прошлый раз я вас видел с дочкой Эвора, Найли, да и выглядели вы по-иному...

– Ты ошибаешься, старик, – оборвал Варна, – я – Ищущий, и впервые в этих местах. Говори, что нужно.

Дэйлор испуганно заморгал, шагнул назад.

– Но это ведь вы, господин, хоть и сами на себя не похожи! Я... я ведь... нутром чувствую...

Вот так. Варна понял, что проморгал еще одного мага среди рабов Эвора д'Аштам. А, может быть, этот старик – зная нравы высокорожденных – даже приходится дальним родственником Ильверсу?

– Я вот и подумал, господин маг... пока все разбежались, может, я чем полезен буду?

Варна вздохнул. И решил, что настала пора хватать неожиданный случай за хвост.

– Хорошо, старик. Разгадал ты меня, видно, есть в тебе способности к магии.

Он быстро огляделся и, убедившись, что поблизости никого нет, стиснул тощий локоть старого дэйлор.

– Ну-ка, веди меня в свою хижину. Может, и есть нам о чем поговорить.

В хлипкой лачуге было темно. Воняли пропитанные больным потом тряпки. Варна остановился у входа, не желая проходить дальше, откинул капюшон.

– Поклянись Духами Предков, что никто не узнает о моем визите, – сказал маг.

Дэйлор поморгал удивленно, прищурил подслеповатые глаза.

– Что вы, господин маг... Да кому?.. Это с меня шкуру скорее сдерут, если узнают, что с вами говорил!

Кряхтя, он уселся в угол, на тряпки, скрестив ноги.

– Что вы здесь ищете, господин маг?

Варна передернул плечами.

– Ты, часом, не видел, как весной убежали два раба из поселка, мать и сын?

Лицо старика вдруг сморщилось, стало похожим на сухой гриб. В следующий миг по ввалившимся щекам потекли слезы.

– Великие Предки! Так вот что вы хотели узнать!

Он вытер дрожащей рукой глаза и, всхлипывая, посмотрел на Варну.

– Они не убежали, господин маг. Их ночью увел Кэйвур, увел – и убил. Обоих. Об этом знает весь поселок, но все молчат... Мы-то кто? Рабы... А раз Кэйвур их увел, значит, кому-то из хозяев это было нужно... Кэйвур-то сам ничего без приказа не сделает! А я их хорошо знал, да... Ильверса, и мать его. Ильверс был таким гордым, так мучился тем, что живет рабом, когда хозяин – его отец...

Маг хрустнул костяшками пальцев.

– Кэйвур, говоришь? А тебя-то как зовут?

– Ящерица, господин. Меня зовут Ящерица.

Варна шагнул вглубь хижины и, склонившись над тяжело вздыхающим дэйлор, вложил ему в ладонь полновесный золотой.

– На вот, держи. купишь себе одежды... И, смотри у меня, ни слова.

...Надсмотрщика Кэйвура маг нашел в весьма добротном доме. Занятие этого дэйлор было крайне незамысловатым: он пил брагу стакан за стаканом, тупо уставившись в стену, и при виде задрапированной в черное фигуры не смог даже подняться на ноги. Затем, бросив бесплодные попытки встретить гостя в вертикальном положении, Кэйвур угрожающе положил локти на стол и прорычал:

– Ы... Ты... чего надо?

Варна не стал ходить вокруг да около.

– Скажи-ка, милейший, это ведь ты убил по весне Ильверса и его мать?

Кэйвур мотнул головой, безуспешно пытаясь привести в порядок мысли.

– Ты кто... такой?

Хрясь! – и ножка стола, вытянувшись, обвилась вокруг шеи надсмотрщика.

– Думаю, так наша беседа будет куда более плодотворной, – холодно изрек Варна, – говори. Это ты их убил?

Мигом протрезвев, Кэйвур в панике уставился на мага.

– И не вздумай кричать, – добавил чародей, обращаясь к Силе Дерева и усиливая давление петли на шею.

– хрр... да, – шепот змеей выползал из сдавленного горла дэйлор.

– Кто приказал тебе их убить? Ты ведь не сам решил прирезать двух рабов? – тихонько поинтересовался Варна, приближаясь. Надсмотрщик задержался в ловушке, захрипел – но деваться было некуда.

...И через пол часа Варна уже торопился по дорожке к замку Эвора, напустив на себя смиренный вид Ищущего мага.

Все здесь было так, как и весной. Тишина, покой, умиротворение снаружи – и гнилье, вымирание – внутри. Правда, замку-то было все равно: непомерно разросшийся, на протяжении многих столетий поддерживаемый магией и питаемый Дэйлороном, он и теперь тянулся к небу башнями-ветвями, крепко держась за землю. И переплетенные меж собой многочисленные стволы всем своим видом будто говорили, что будут жить до конца дней этого мира...

Варна задумался. Ему не хотелось следовать через весь замок, да еще и спрашивать, где находятся апартаменты благородной Найли. Хоть и обрядился Ищущим, но пробираться в покои дочери главы дома – это слишком, даже во имя поиска Истины!

Затем ему в голову пришла недурственная мысль о том, что Сила Дерева, живая, теплого золотисто-коричневого цвета сама подскажет ему, где искать дочь Эвора. Маг положил ладони на «стену», густое, невозможное без магии плетение ветвей, закрыл глаза... Вместе с кровотоком Силы он растекался по замку; в глаза назойливо лезли тысячи образов, уши наполнились гулом десятка голосов. Повар на кухне отвешивал поваренку оплеухи за испорченный суп, наложницы Эвора д'Аштам, мучаясь бездельем, обсуждали достоинства хозяина, служанка, стоя на коленях, торопливо вытирала пролитую на пол воду... И вот, наконец...

Маг открыл глаза, похрустел пальцами и мысленно поблагодарил Силу. Она тепло плеснулась в ответ и застыла чудным янтарным узором.

...Когда Варна вышел из портала в покоях Найли, юная дэйлор как раз читала книгу, полулежа на кушетке. И, казалось, даже не вздрогнула при виде незнакомца в мантии. Только окинула Варну томным взглядом и холодно поинтересовалась, что ему нужно в ее комнате.

– Имейте в виду, за дверями стражи спокойствия. Во имя Предков, как вы себе вообще позволяете врываться в мои покои?! Убирайтесь, иначе отец разберет ваше братство по досточкам...

Варна неторопливо откинул капюшон и подошел ближе.

– Я сказала – убирайтесь, – повторила Найли, царственным жестом поправляя смоляные кудри, уложенные в прическу.

– Почему ты приказала убить собственного брата? – спросил Варна, – почему?! Ты боялась, что, появившись он в замке, тебе придется несладко, а?

Найли резким движением отшвырнула книгу и села.

– А, это вы... Варна, кажется? И не надоело вам? С весны-то?

– Почему? – выдохнул он, – я бы забрал его с собой, и тебе бы ничто не угрожало! По прихоти ты отправила к предкам ни в чем не повинного дэйлор!

Девушка поднялась и подошла почти вплотную. Варне даже показалось, что он ощущает ее теплое дыхание на щеке.

А потом, с легкой улыбкой, Найли сказала:

– Ты ошибаешься, маг. Я не убивала Ильверса. И не приказывала его убить! А теперь – убирайся. Ты вообще не должен здесь...

Она не успела договорить, потому что железные пальцы Варны вцепились ей в плечи. Маг чувствовал, как в висках туго стучит кровь; глаза застилала пелена бешенства. А эта девка, казалось, издевается над ним – над ним, учеником самого Великого Магистра!

– Ты и сейчас будешь все отрицать? – прошипел он ей в лицо, – даже тогда, когда Кэйвур сознался?! В том, что ты приказала ему это сделать? Великие Предки, как же здесь все прогнило, и пропиталось зловонием!

Варна даже не обратил внимания на то, как побледнели щеки Найли.

– Кэйвур? Да что он мог сказать-то? Когда я ничего ему не приказывала?!!

Он оттолкнул девушку от себя – так, что она, не удержавшись, упала на кушетку. Торопливо вытер ладони о черную мантию, стараясь стереть с рук ощущение налипшей зловонной грязи. В голове бешено прыгали мысли, совершенно безумные; да, маги никогда не вмешивались в дела домов, и каждый хозяин имел право убить неугодного раба. Все это Варна помнил и сейчас, но... Его поглотило желание наказать Найли – хоть как-нибудь... Так, чтобы никто не доказал его, мага, вины – и в то же самое время, чтобы девица долго и мучительно расплачивалась за содеянное.

Найли молча смотрела на него, и Варна, заметив на ее красивом лице страх, ухмыльнулся. Кажется, он придумал...

* * *

Зима на юге – мало похожа на зиму. И если в Дэйлороне нет-нет, да выпадал снег, тающий на следующий день, то в предместьях Алларена годами не бывало

даже намек на снежинки. Только дождь и грязь, иногда прихватываемые легким морозцем, омерзительно одинаковые каждый день. Да еще черные, неприбранные листвой деревья...

В один из таких погожих зимних деньков в таверну, что одним боком прилипла к главному купеческому тракту, ведущему в Алларен, а другим – к вспаханному клочку земли, вошли два путника.

Они были одеты так, как и полагается людям, вынужденным месить размокшую дорожную грязь: неопределенного цвета плащи, теплые куртки, забрызганные грязью штаны из дерюги и высокие башмаки, так густо облепленные серой гущей размешанной с водой земли, что никто бы не определил их истинный цвет. Старший был парнем, не достигшим еще зрелого возраста, его друг – и недавно мальчишкой. Оба они казались отощавшими и изнуренными долгой дорогой. Наверняка еще и без медяка в кармане.

По этой причине Эва, прозванная в насмешку Красоткой, не торопилась к ним. А они, в свою очередь, не спешили высказывать недовольство тем, что полная и слегка горбатая Эва обслуживает кого угодно, но только не их.

Наконец, сжалившись над голодранцами, Эва подплыла к столу и, оперев мощные руки в не менее мощные бока, спросила:

– Ну, что будем заказывать?

Младшенький поднял на нее глаза – яркого небесного цвета, но какие-то слишком грустные для мальчугана его возраста. Так ничего и не сказав, насупил белобрысые брови и повернулся к своему другу. Или отцу... или брату, на худой конец.

– Принесите нам поесть, – сказал старший, резким движением отбрасывая со лба отросшие волосы песочного цвета. Его выговор показался Эве странным, но она никогда не размышляла о том, как говорят проходимцы, а потому ее внимание сразу же переключилось на внешность парня.

К собственному удивлению, Эва не могла не признать, что этот оборванец был чудо как хорош собой. Даже с беспорядочно отросшей черной бородой, с грязными, висящими сосульками блеклыми волосами, он выгодно отличался от

прочих посетителей таверны общей приятностью лица и выразительными черными глазами. Тем не менее, Эва грубо спросила:

- А чем расплатиться, есть?

Парень усмехнулся и, порывшись в тощем кошельке, шлепнул о столешницу двумя серебряными монетками. Интерес Эвы к странной парочке сразу возрос.

- Подождите, сейчас принесу.

И она поспешила на кухню.

Два сребреника - оплата хорошего обеда. И, помня о приятной внешности парня, Эва от души навалила в тарелки кашу и недожаренное мясо. Также не забыла она и о кувшине кислого вина - оно-то, конечно, так себе, но лучшего все равно не было. Раздуваясь от важности, она понеслась обратно.

Усталые путники по-прежнему ждали обеда. Старший даже позы не переменял, а младшенький растянулся на лавке и, подложив под голову свернутый плащ, задремал.

- Издалека идете? - слащаво поинтересовалась Эва.

- Да, - голосом скучающего человека ответил парень.

- Ну, пусть мальчонка поспит, - Эва испустила сочувствующий вздох, - мал еще...

- Да, пусть, - согласился он и приступил к поглощению еды.

- Небось, в Алларен идете? - не унималась Эва. Отчего-то ей не хотелось отпускать этого милягу просто так... Тем более, что, в отличие от завсегдатаев таверны, он ни разу не предпринял попытки шлепнуть ее пониже спины. Это интриговало.

- В Алларен, - тускло отозвался он.

– Как зовут-то?

Наконец в черных глазах появилось нечто, отдаленно напоминающее интерес.

– А тебе зачем?

– Так... Нечасто здесь такие красавчики появляются. Хоть имя буду вспоминать.

Эва вполне отдавала себе отчет в том, что уже перешла все дозволенные границы поведения добропорядочной женщины, но отступить не хотела.

– Красавчики... – парень хмыкнул и передернул плечами. А потом сказал, – меня зовут Ильверс.

– А меня – Эва.

Не дожидаясь приглашения, она плюхнулась рядом на лавку.

– Так что, в Алларен путь-дорожку держите?

– Да, – Ильверс хмуро жевал кусок жесткой конины, – иду искать вот его тетку.

И кивнул на спящего мальчугана. Эва вздохнула – и с какой стати такой молодец должен искать какую-то там тетку?

– А мать где? – хмуро спросила она.

– Мать убили дэйлор, – просто и равнодушно ответил Ильверс, – я должен его привести к тетке... в Алларене... Только вот не знаю, как ее найти.

Эва вздохнула. К сожалению, она тоже не имела ни малейшего понятия, как найти в огромном городе одну-единственную тетушку. Ильверс, считая разговор оконченным, начал будить мальчика.

* * *

К вечеру они дотащились до пригорка, с которого был виден Алларен. С неба, затянутого тускло-серой пеленой туч, сыпал мелкий холодный дождь, и башни, сложенные из белого камня, почти утыкались в серую муть.

– Ну, вот. Почти пришли, – сказал Ильверс Золюшке.

Мальчишка кивнул и, зачарованно глядя на тускло светящуюся белизну города, пробормотал:

– Красиво-то как...

Ильверс только пожал плечами: уж он-то, выдавший утонченную грацию отцовского замка в Дэйлороне, никогда бы не признал неуклюже-толстые башни поистине красивыми. Затем его мысли перебрались в более практичное русло: он стал размышлять о том, где и как они заночуют – поскольку добраться до города засветло не представлялось возможным. Осмотревшись, дэйлор кивнул в сторону пролеска.

– Пойдем, Золий, надо подготовиться к ночи.

Мальчик шмыгнул носом и ничего не сказал.

Им обоим надоело ночевать в лесу, как диким зверям. Точно также им до смерти надоело брести по нескончаемой дороге, мешая жирную, блестящую грязь, и проситься на шумно проезжающие телеги с провиантом, едущие на юг. Бедняцкая одежда не прельщала воров и разбойников, ни один человек не потревожил двух путников на протяжении многих дней пути. И это было весьма кстати, потому что Ильверс нес с собой приличный запасец монет – не так, чтобы много, но на обеды в тавернах и на нехитрые припасы вполне хватало. Правда, тошно было вспоминать о том, откуда взялись эти металлические кружочки: на следующий день после налета дэйлор Ильверс тщательно обследовал пепелище, копаясь среди остывающих развалин и не брезгуя выворачивать карманы убитым. Золюшка не знал ничего этого; весь день он проплакал, сидя на коленках рядом с земляным холмиком.

И вот, когда дорога наконец уперлась в белое кольцо высоких стен Алларена, на Ильверса разом свалилась долго копимая усталость. Он вдруг почувствовал, что не в состоянии больше сделать ни шагу, и весь поход стал казаться сплошной

глупостью. Почему он не бросил мальчишку еще раньше, где-нибудь посреди леса? Ведь мог же – и тогда не нужно было бы брести неведомо куда... Но каждый раз, когда подобные мысли приходили в голову дэйлор, он заставлял себя вспоминать дни собственной беспомощности. А потом брал Золюшку за руку и шел с ним дальше.

... На этот раз им несказанно повезло: случай подбросил пустую медвежью берлогу, теплую и сухую, под корнями сосны. Ильверс влез туда первым, затем к нему под бок подобрался Золюшка, и они заснули сном без сновидений.

Но под утро Ильверс проснулся; в груди заворчалось ощущение, что кто-то поджидает их снаружи. Стараясь ненароком не разбудить мальчика, дэйлор выполз из берлоги и огляделся; все его чувства обострились, он был готов при первой опасности пустить в ход Силу, которой уже кое-как наловчился управлять.

Она вышла из сумерек, густо замешанных на тумане, и остановилась в каких-нибудь пяти шагах, пригнувшись. Ильверс видел, как трепещут аристократические ноздри, как плавают влажные блики в широко распахнутых черных глазах.

Ильверс просто стоял и смотрел на болотное зло; страха он не ощущал, только беспокойство ворочалось под грудиной. Когда-то... ему довелось встретить такую же n'tahe, страшную болотную ночницу, но тогда – она была мертва, тело привез с собой отважный воин-дэйлор, чтобы показать хозяевам замка.

Теперь ночница замерла неподалеку, глядя на него странными глазами, где нельзя различить ни радужки, ни склеры, и где царит только беспросветная тьма. А дэйлор тоже стоял и ничего не предпринимал, ожидая...

– Почему ты не со своим народом? – наконец спросила она. Голос запутался в пушистых волокнах тумана и стих.

– Твое место – с нами, – повторила ночница, уже куда увереннее, – твоя сила – в отражениях, как и наша. Почему же ты идешь в город, к людям, да еще и... тащишь с собой ребенка?

Ильверс пожал плечами.

- Потому что я - не вы, и мой народ - не народ Зла.

Она затрясла головой, да так, что, казалось, тонкая шея вот-вот надломится.

- Не лги себе. Ты уже наш. Никто из ныне живущих, кроме нас, еще не мог взять силу отражения.

Дэйлор промолчал. На самом деле, он не знал, что ответить, и что делать с болотной ночницей, которая, по его понятиям, воплощала в себе все зло земли. Следовало прикончить ее здесь, чтобы она больше никогда и никому не причинила вреда, но...

- Я иду в Кайэрские топи, - вдруг сказала ночница, - я расскажу о тебе нашей королеве. Я верю, все, что произошло с тобой - неспроста. Ничего не происходит просто так!

И, поклонившись на прощание, ушла. Ильверс дождался, пока ее серые лохмотья растворятся в молоке подступающего дня, а потом полез обратно в берлогу, будить Золушку.

Встреча с болотным злом не взволновала его, словно все шло именно так, как и должно было. Дэйлор только задался вопросом - а может ли его удивить или взволновать теперь хоть что-нибудь?

* * *

На подходе к Алларену Ильверс вдруг ощутил сильное жжение в груди, словно черная Сила, полнившая его, сжала в кулаке трепещущее сердце. Охнув от неожиданной, предательской боли, дэйлор остановился, хватая ртом воздух и пытаясь вдохнуть.

- Ильв! Тебе плохо? - маленькие руки Золушки обхватили его за пояс, - пойдём, пойдём, с дороги! Ильв, пожалуйста, не умирай... Ну, скажи что-нибудь!

Дэйлор осторожно, боясь лишней раз пошевелиться, сел на подмерзшую землю и откинулся на корявый ствол большого дуба. Золушка торопливо расшнуровывал

ему ворот.

– Воды дать? Ильв, не молчи! Ну что с тобой?! – в голосе мальчика уже захлюпали слезы.

– Все... хорошо... – Ильверс через силу улыбнулся, ломая голову над тем, а что же, собственно, с ним происходит. Ведь он был еще молод, и у него никогда ничего не болело, исключая исполосованную надсмотрщиками спину. Золюшка сел рядом, растерянно глядя на дэйлор.

– Ильв... Не умирай, пожалуйста. Не надо...

– Я не собираюсь помирать, – выдохнул дэйлор, – давай немного передохнем, да пойдем дальше.

И закрыл глаза. Творилось нечто странное, и следовало бы узнать, что именно...

Между тем боль помаленьку отпустила, сердце забилося ровно, как всегда. Ильверс вдохнул – раз, другой...

«Все дело в этой силе, в том, что она – не для меня», – подумал он, – «а, может быть, что-то творится в этих землях, отчего сила плещется и захлестывает?»

Раскрыв свое восприятие мага, Ильверс взглянул на липкие черные нити, опутавшие белокаменный город. Ох, сколько же там мерзости, сколько несправедливости, в этом людском улье... А там? Что – там, в сердцевине, чуть ниже фундамента?.. Стены расплылись, стали прозрачными, и дэйлор увидел...

Сердце города. Оно было черным. Блестящим, как глазурь. Как огромный кусок отполированного черного обсидиана, с его бесконечной прозрачностью в недостижимой глубине. А над ним возвышалась башня, возведенная до того, как в эти земли пришли люди. Ильверс вяло удивился – тому, что у белого города – отнюдь не светлая сердцевина. И как это он сразу не заметил ее, черную иглу, впившуюся в небо? Столь древнюю, исполненную таинственного величия, столько декад ожидавшую, пока придет тот, кто был предсказан... В душе проснулось смутное, необъяснимое желание коснуться старых черных камней, ощутить на пальцах холод давно ушедших столетий. Сердце опять затрепетало

в груди, полнясь сладкой болью...

«Да что это со мной?» – он в недоумении заморгал, пытаясь отогнать навязчивое видение, – «черная башня... черный город внутри другого города... а ведь это любопытно».

Он хотел коснуться свернутой в кокон Силы, но передумал. Всему свое время, и неизвестно, чем все это закончится... Надо сперва определиться с Золюшкой.

Но мысль, пришедшая извне, уже не торопилась покидать дэйлор. И он невольно начал прикидывать – а хватит ли столь внушительного сгустка Силы, чтобы уничтожить тех, кто был повинен в смерти двух никому не нужных рабов? И нельзя ли пустить эти запасы Силы на особенно убийственное заклятье, которому не сможет противостоять даже Великий Магистр Дэйлорона, которым Ильверсу доводилось только слышать?..

– На, вот, водички, – шепнул ему на ухо малыш, – тебе уже лучше?

– Да.

Ильверс послушно отхлебнул холодной, с железным привкусом, воды из фляги. Поморгал на перламутровое небо, затем перевел взгляд на встревоженную мордашку Золия.

– Как мы найдем твою тетку? Мама никогда не говорила, где она живет?

Мальчик пожал плечами.

– Мама рассказывала, что она, наверное, живет в красивом доме.

– Но в Алларене много красивых домов, Золюшка. Как же нам ее найти?

– А ты не хочешь, чтобы я остался с тобой?

– И не думай об этом, – резко обрубил дэйлор, – тебе не место рядом с таким, как я, понимаешь?

Мальчик вздохнул и понуро опустил голову.

- Давай-ка лучше поразмыслим, как разыскать твою тетушку... Да и живет ли она еще в Алларене?

- А ты не можешь ее найти... ну, как маги это делают?

В который раз Ильверс убедился, что чистое детское сердце открыто истине. Усмехнувшись, он похлопал Золюшку по плечу.

- Ты смысленный малыш, а я - дурак.

Ведь черные, живые волокна Силы послушны его воле. Так что стоит заставить их быть глазами и ушами, и найти человеческую женщину по имени Тама?

...Она и впрямь жила в Алларене. Когда они с Золюшкой добрались до ее булочной сквозь зловонные лабиринты белого города, Тама как раз продавала четверть хлеба дородной особе в ярко-желтом платке.

- Что желаете? - устало спросила Тама у Ильверса, отирая пот со лба чистой, пухлой рукой. Она оказалась удивительно похожей на свою сестру - те же рыжие волосы, заплетенные в тугую косу, голубые глаза, россыпь веснушек... Дэйлор откашлялся, крепко сжал пальцы притихшего Золюшки.

- Я бы хотел узнать, вас Тамой зовут?

- Ну да, - женщина нахмурилась, - что вам надо? Если плохое что задумали, лучше уходите, не то истопника кликну.

- Нет-нет, - поспешно сказал Ильверс, - я просто хотел убедиться еще раз...

И быстро, может быть, чуть более торопливо, чем следовало, добавил:

- Я привез вам сына вашей сестры, Томы.

Плечи под простой шалью вздрогнули, и Тама затравленно посмотрела на Ильверса.

– А где... Тома?

– Маму убили дэйлор, – сказал Золюшка, приподнимаясь на цыпочки, чтобы его лицо было хорошо видно из-за прилавка, – она хотела, чтобы Ильв отвел меня к тебе, тетя...

Тама несколько мгновений стояла неподвижно, и ее взгляд испуганно перебежал с Ильверса на Золюшку и наоборот. Затем, быстро отвернувшись, она вытерла глаза уголком шали.

– Ну... что ж... Пусть отдыхает... в садах Хаттара, отца нашего...

И, уже повернувшись, продолжила:

– А вы... Пойдемте, пойдемте в дом... Лавку пока закрою.

* * *

Ильверс покинул семейство Тамы под вечер, невзирая на все ее уговоры остаться до утра. Теперь он был совершенно свободен, и мог заняться своими делами, коих было немало. На вопрос – куда же ты пойдешь? – он неопределенно пожал плечами и ответил, что осмотрится в городе, а затем, возможно, вернется на север. Туда, откуда родом...

Он и в самом деле размышлял над возвращением в Дэйлорон; он чувствовал себя уже достаточно сильным, чтобы справиться хоть со всей стражей отца-мерзавца, но... Черное сердце Алларена, недоступная простым смертным цитадель, застывшая уродливым наростом на холемом теле города, манила Ильверса похлеще, чем брачный призыв самки – самца. И снова эти странные мысли о том, что именно там, среди черных стен, он обретет истинное могущество...

Потому он принял решение остановиться на каком-нибудь дешевом постоялом дворе, переночевать, а поутру, на светлую голову, заняться исследованиями.

Зимой рано смеркается, и, пока Ильверс шагал по мостовой, сам не зная куда, небо начало наливаться ночью. Снова зарядил мелкий дождь, и в теплом свете окон булыжники мостовой блестели, как политые густым сахарным сиропом.

Через некоторое время Ильверс понял, что идет куда-то не туда. Прохожих попадалось все меньше, а те немногие, кого он встречал, спешили убраться с его пути. Он остановился, подверг местность беглому осмотру и, убедившись, что поблизости не видно ни одного постоянного двора, решил повернуть обратно. Но в этот миг из темного проулка ему под ноги шмыгнул паренек в лохмотьях, и дэйлор сам не понял, как очутился на земле. Его сразу окружили какие-то люди, грязные, оборванные – но вооруженные. Один из них – с блестящей серьгой в ухе, сплюнул сквозь зубы точнехонько рядом со щекой Ильверса и, ковыряясь в зубах давно немытым пальцем, изрек:

– Ну что, парни, раздевайте этого цыпочку. Если что еще найдем – хорошо. Не найдем – тоже не страшно. Потом кончайте его и пойдем дальше.

Выговор этого ничтожного человечка был таким же мерзким, как и он сам, и дэйлор едва понял, о чем идет речь. Но, когда смысл происходящего наконец дошел до него, кровь высокорожденных предков бросилась в голову, застилая взор.

Ильверс усмехнулся. Нечто подобное он уже испытывал, каждый раз, когда видел Найли в золоченой повозке... Но тогда – он был рабом, не способным ни на что. А теперь...

Сила послушно откликнулась на его прикосновение и потекла... сквозь тело, черными липкими нитями, к вонючим пальцам, шарящим по его телу. Переливаясь из сгустка в сгусток, она напухла под кожей горячими буграми, в поисках нового сосуда.

...Раздался крик. Страшный, разрывающий в клочья шуршащую пелену дождя.

И мясо отваливалось пластами от пальцев, от ладоней, обнажая кости. Человек дико вопил, размахивал остовами руки; теплые бусинки крови, разлетаясь веером, мешались с каплями воды.

– Что? Что это?!! Помогите!!! Хаттар Всемогущий!..

Вдруг, взмахнув последний раз почти голыми остовами рук, он метнулся куда-то в темноту, не переставая вопить. Еще несколько мгновений дэйлор слышал крики агонии, затем вновь над ним сомкнулась шуршащая пелена капель, шлепающихся о мостовую.

Никто более не касался Ильверса. Разбойники пятились прочь, с ужасом таращась то на свои ладони, то на дэйлор; потом они, как один, развернулись – и порскнули в стороны.

Ильверс поднялся, принялся неторопливо отряхиваться. Чувствовал он себя не самым лучшим образом, словно прошедшая сквозь чуждая Сила вымыла его собственную, но в душе выкристаллизовалось спокойное, прохладное ликование. Никто и никогда больше не посмеет причинить ему боль...

И тут его окликнули. Голос шел все из того же проулка, куда скрылся обреченный на мучительную смерть выродок.

– Эй, человек. Не спеши, поговорить надо.

Ильверс вяло удивился: судя по всему, тот, кто произнес эти слова, был абсолютно спокоен – ну, или очень хорошо владел собой, сумев скрыть страх.

– Чего надо?

Не торопясь оборачиваться, дэйлор поправил надорванный рукав куртки. Пусть все увидят, что ему, Ильверсу, нечего бояться.

– Зачем моего парня уколошил? – укоризненно спросил неизвестный. И опять – очень спокойно, будто видел нечто подобное десять раз на дню.

По мостовой заклацали подбитые железом башмаки. Ильверс резко обернулся, одновременно поднимая руку, сжатую в кулак, где уже бился крошечный черный кокон...

– Эй, эй! погоди, я же только поговорить хочу...

Вновь прибывший был высоким, ладно скроенным мужчиной. Сразу в потемках не разглядишь ни лица, ни одежды – Ильверс только подметил, что сапоги на незнакомце дорогие, щегольские, с большими пряжками.

– Говори и иди своей дорогой, – жестко сказал дэйлор, разминая пальцами податливый, трепещущий кусочек Силы.

Незнакомец всплеснул руками.

– Батюшки! Да ты же не человек!.. Эге, бывал, бывал я в пограничных землях...

Ильверс предпочел промолчать; просто стоял и ждал продолжения. Верно, этому бесшабашному парню на самом деле пришлось переведаться с выходцами из Дэйлорона, раз он с такой легкостью узнал в Ильверсе нелюдя.

Между тем мужчина сделал еще несколько шагов вперед, и дэйлор смог, наконец, рассмотреть своего собеседника. Сапоги и впрямь были роскошные... лет десять назад. Вблизи оказалось, что они истерты и заношены почти до дыр, а одно голенище порвано. Штаны и некое подобие камзола, изначально сшитые из бархата, еще хранили местами переливчатый ворс, но большей частью напоминали грубую холстину. Лицо человека показалось Ильверсу таким же потертым и помятым, как и вся его одежда; глаза-щелки непонятного цвета маслянисто поблескивали, и также блестели обильно намаженные светлые волосы.

– Только не надо меня убивать, так, как ты прикончил беднягу Зубастого, – ухмыльнулся незнакомец, – я только поговорить хочу.

– Говори, – Ильверс пожал плечами и быстро огляделся. Грабители снова начали выползать из черных провалов переулков, но приблизиться не смели. Переминались с ноги на ногу и наблюдали.

– Меня зовут Томми, Томми Ловкач. Ты прикончил одного из моих, дэйлор, но я прощаю... Скажи, ты же маг?

– А ты как думаешь? – Ильверс приподнял бровь, – стой там, где стоишь, не то останутся от тебя одни головешки.

– Думаю, маг, – серьезно сказал Ловкач, – а к магу, такому, как ты, у меня есть серьезный разговор. И хорошее предложение. Тебе, я думаю, все равно терять нечего.

Ильверс усмехнулся. Да что, в конце концов, возомнил о себе этот человечешко?

– Ты не можешь мне ничего предложить, – сказал он, – я иду своей дорогой, а ты – своей.

Ловкач в отчаянии всплеснул руками.

– Да брось ты! Разве не могут наши дорожки пересечься? Слушай, маг...

Кто-то свистнул.

– Патруль! Деру, деру отсюда!

В тот же миг Ильверс услышал стук подков о мостовую и конское ржание. Ловкач вздрогнул; ему, скорее всего, не улыбалось встретиться с хранителями спокойствия добрых горожан Алларена, но он не решался просто так распрощаться со своей находкой – магом. Он протянул Ильверсу руку.

– Бежим отсюда, парень. Тебе, я думаю, они тоже будут рады. Дэйлор все-таки...

Но Ильверс колебался.

– Зачем мне идти с тобой? И что ты мне можешь такого предложить? Я, знаешь ли, могу управиться с десятком таких, как те, что вас так напугали.

Сильные пальцы сомкнулись на его рукаве, и Ловкач,дохнув в лицо перегаром, прошипел:

– Не будь дураком, дэйлор! Часть выручки я тебе предлагаю, жалеть не будешь. Пойдем же, свались Хаттар тебе на голову! Спать тебе есть где? Нету! Вот и пойдем, пустоголовый!

Конники появились внезапно, вынырнув из темноты; Ильверсу все казалось, что они далеко – а тут – раз! И – вот они, любуйтесь... Ловкач судорожно вздохнул и попятился, все еще цепляясь за рукав дэйлор.

– А ну, стоять!

Ильверс только моргнул при виде лошади, скачущей во весь опор на него.

– Держите их! Это же Ловкач, Томми Ловкач!!!

Еще мгновение – и их взяли в кольцо.

– О, проклятье, – сквозь стиснутые зубы простонал Ловкач, – будь неладен тот час, когда я тебя увидел!

И уже в полный голос крикнул:

– Парни, уходите! Встретимся еще...

Он рванул из ножен короткий меч и подмигнул Ильверсу:

– Ну что, маг, живыми не сдадимся? А ведь если нас поймают, шкуру спустят...

Ильверс пожал плечами. А затем отпустил черный кокон, прямо в грудь ближайшему всаднику.

И снова расплылись в ночи липкие, черные нити, квинтэссенция самой тьмы, опутали людей, врезаясь в кожу, заставляя орать от ужаса и боли...

– Веди, – коротко бросил Ильверс, – поговорим еще.

– Так бы сразу, – обронил Томи, – а то ломаешься, как девка...

И, поднырнув под копытами вставшей на дыбы лошади, они рванули куда-то в кромешную темноту безлунной ночи, в подворотню, мимо покосившихся бедняцких лачуг, мимо заброшенных домов, мимо пустырей... Где-то позади

раздавались истошные вопли.

– Эк ты их, – выдохнул Томи, и Ильверсу показалось, что в его голосе тонкой змейкой скользнуло непритворное уважение, – давай, сюда...

Он сдвинул широкую доску забора в сторону, дэйлор нырнул в открывшийся лаз и очутился на заднем дворе какого-то строения. У слову, весьма добротного на вид. Ловкач утер пот со лба.

– Ну, вот и на месте. Чувствуй себя, как дома, дэйлор. Теперь и поговорить можно, за кружкой доброго вина...

– Сам не знаю, зачем с тобой побежал, – пробурчал Ильверс. Томми ухмыльнулся.

– А я тебе скажу, дэйлор, почему. Потому что тебе было все равно, куда идти. Если бы тебе предложили переночевать в борделе, ты бы согласился. Предложили бы королевский дворец – тоже не сильно отказывался бы...

– Ты что-то хотел мне предложить, – оборвал его Ильверс. Ему было неприятно, что Томми оказался прав.

– Тогда – пойдём, – человек пожал плечами, – добро пожаловать ко двору ночных братьев Алларена!

* * *

Стоило шагнуть через порог, как в нос ударило сплетение запахов дыма, грязных тел и перегара. Ильверс, борясь с подступившей к горлу тошнотой, осмотрелся: они с Томми шли по большой комнате, где по углам, на кучах тряпья, ворочались, переругивались, пили нищие. Некоторые, что были недостаточно пьяны, узнавали Томми и кланялись, стучаясь лбом об измазанный нечистотами пол.

– Идем, идем, нам здесь делать нечего, – пробурчал Ловкач и потянул Ильверса за рукав, – не беспокойся, уж ты-то здесь спать не будешь. Это низшие из братьев, просят милостыню.

– А где те, что убивают за деньги? – дэйлор хотел усмехнуться, но не получилось. Ему более всего на свете хотелось зажать и нос, и рот – лишь бы не дышать всей этой мерзостью.

– Дальше. Не будут же уважаемые братья жить вместе с отребьем?

Следующая комната оказалась самым обычным обеденным залом, какие можно увидеть в недорогих и в меру хороших придорожных гостиницах. Вход туда был отдельный; воры и убийцы – как понял Ильверс – заходили с улицы, чтобы пропустить по кружечке горячительного, поболтать, а заодно и встретиться с вожакom. Здесь Томми вел себя, как галантный кавалер: приветливо кланялся, старался никого не обделить вниманием. Кое-кто косился на Ильверса, но тот был с вожакom – а потому ни один из ночных братьев не задал ни единого вопроса.

– Сейчас отведу тебя в спальные покои, – ухмыльнулся Ловкач, – отдохнешь, и без того ночь почти закончилась. А завтра – Хаттар решит, что будет завтра.

Он отдернул в сторону занавеску; дальше шел прямой коридор, по обе стороны усиженный потертыми дверями.

– Это уважаемая в городе гостиница, между прочим, – заметил Томми, – никто и не знает, что здесь...

Ближайшая дверь распахнулась от резкого толчка, а ровно через один удар сердца в ничем не защищенное горло Ловкача ткнулся блестящий носик стального клинка. Еще миг – и на их пути, словно выткавшись из полумрака, выросла молодая женщина.

– Ах ты, мерзкий ублюдок, – процедила она, – опять бил Малыша?! А я тебе обещала, еще раз – и останешься без руки!

Нечто подобное было ново для Ильверса; до сих пор женщины, с которыми ему приходилось встречаться, были другими... как бы это сказать... мягкими, что ли? Его мать, согнувшая спину перед судьбой, Найли, смелая только когда за ее спиной маячили надсмотрщики, сестры Тома и Тама – обе одинаково уютные, сердечные. Эта же особа, одетая в мужское платье, напоминала стрелу в полете – легкую и смертельно-опасную.

У нее были коротко обрезанные, вьющиеся волосы цвета меди. Лицо казалось слегка неправильным, угловатым – и совсем молодым. В карих глазах, широко распахнутых, застыла решимость довести начатое до конца.

– Подставляй руку, – приказала женщина, одновременно усиливая давление стали на рыхлую шею Томми. Вниз покатила капелька крови и исчезла, впитавшись в воротник.

– Во имя Хаттара! – Ловкач растерянно всплеснул руками; казалось, его нимало не беспокоило оружие, приставленное к горлу, – Лисица, да в чем я виноват?

– Ты снова избил Малыша, – жестко сказала она, – руку, Томми!

Из приоткрытой двери высунулся вихрастый мальчишка, чуть постарше Золюшки, да и похожий на него так, что в первый миг Ильверс удивленно подумал – а что, собственно, делает его маленький приятель в этом месте? Вокруг правого глаза юного вора светился чернотой внушительный синяк, веко опухло и не открывалось.

– Тиннат, не надо, – пролепетал паренек, – я знаю, он не хотел...

Лисица бросила на него недоумевающий взгляд.

– Ты в своем уме, Малыш? А если в следующий раз он тебе шею свернет?

– Не надо... – шепот стал едва слышен, – он все-таки мой дядька...

– Вот-вот, – ухмыльнулся Томми, – парень дело говорит. Оставь ты это, Лисица! Лучше погляди, кого я привел!

Коротко передернув плечами, она опустила меч. И только теперь взгляд ее теплых карих глаз остановился на Ильверсе.

Тиннат хмыкнула.

– Кого ты можешь привести, если не очередного ублюдка, такого же, как ты сам?

Ловкач надул щеки.

– Тиннат! Милая моя! Я привел мага, упырь меня дерит, настоящего мага... Да еще и дэйлор, к тому же!

Женщина скривилась, как будто съела что-то невероятно кислое.

– Вот те раз. Значит, я ошиблась... И ты, Томми, притащил ко двору стократ худшего гада, чем я думала поначалу!

Ловким движением вбросив меч в ножны за спиной, Тиннат решительно шагнула навстречу и, бесцеремонно протиснувшись между Томми и Ильверсом, исчезла за занавеской. Дэйлор только успел ощутить ее запах – странную смесь кожи, железа и роз.

Ловкач пожал плечами. Притворно вздохнул:

– Что это на нее нашло? Женщины, женщины... Ну, ты, Ильверс, не принимай это на свой счет. Вожжа ей под хвост попала сегодня, так, Малыш?

Мальчишка безмолвно стоял у приоткрытой двери, и его голубые, как капельки неба, глаза перебегали с Томми на Ильверса – и обратно.

– Чего молчим? – сладко пропел Ловкач, – нажаловался Лисице, а теперь присмирел, а?

И, почти не размахиваясь, он отвесил мальчишке оплеуху.

– Чтобы одинаково со всех сторон было! И попробуй еще раз наябедничать, шкуру сдеру!

Малыш всхлипнул, втянул голову в плечи – и показался Ильверсу совсем маленьким и жалким.

– Пойдем, Ильверс, – хохотнул Ловкач, – я тебе покажу... твои покои!

– Пойдем, – дэйлор пожал плечами, – я хочу отдохнуть. И чтобы меня не беспокоили по пустякам...

– Ну а то! – масляные глазки человека алчно блеснули, – будем тебя звать только для важных дел!

И они пошли дальше.

Проходя мимо Малыша, который потирал рукавом ушибленную скулу, Ильверс успел коснуться его головы. Почувствовал на ладони давно невымытые волосы, жесткие, как щетка. А еще – пульсирующую боль, поселившуюся в жирном синяке.

Ильверсу хватило считанных мгновений, чтобы свить из Силы Отражения сеть наподобие рыболовной и потянуть на себя горячий кокон. Ладонь неприятно кольнуло – и все. Малыш, приоткрыв рот, глядел на Ильверса, как на самого Хаттара, спустившегося с небес.

– Ну, где ты там? – Ловкач уже открывал одну из дверей, – давай, проходи. Чувствуй себя, как дома!

И фыркнул, как лошадь над яслями. Ильверсу стало противно; было похоже на то, что он уже успел невзлюбить этого человека. А спину все еще буравил взгляд Малыша – горячий, благодарный.

... Комнатка оказалась на диво чистой: видать, Ловкач придерживал ее для особо ценных гостей. В углу, рядом с окошком, стояла кровать, застеленная шерстяным одеялом. Подушку заменяло еще одно одеяло, свернутое валиком. В другом углу расположились некое подобие стола и стул; причем последний предмет мебели отличался столь изящными формами, что не приходилось сомневаться: Томми позаимствовал его в одном из посещенных купеческих домов Алларена.

Усмехнувшись, Ильверс положил на мягкое сиденье свой дорожный мешок и, сняв сапоги, растянулся на кровати, отчего ее деревянные косточки жалобно заскрипели. На сердце... вновь спустилась сонная пустота, но к ней Ильверс уже привык.

«Теперь у меня есть дом», – подумал он, – «есть даже занятие... Не самое лучшее, не самое правильное. Глупо все это и мерзко, и ты это знаешь, Ильв. Знаешь – но не чувствуешь ровным счетом ничего. И все же – здесь можно пожить некоторое время, пока не разберусь с Черным городом...»

Он поднялся, и, раздернув занавески, выглянул в окно. Оказалось, оно выходило на довольно опрятную улочку; напротив стоял добротный каменный дом с вывеской, где коричневой краской были намалеваны кольца колбасы и окорока немислимых размеров. По улице бодро процокала лошадь, унося на спине всадника.

Ильверс оставил шторы открытыми; так в комнату проникал лунный свет, ложась бледными пятнами на неструганный пол.

Совсем, как тогда, в домике Тома на берегу Эйкарнаса.

Дэйлор снова улегся на кровать. По телу разливалось спокойствие, не хотелось ни думать, ни вспоминать.

* * *

...В комнате кто-то был. Даже не проснувшись окончательно, Ильверс ощутил чужое присутствие. А затем – легкие шаги, поскрипывание половиц. Дэйлор, не торопясь открывать глаза, обратился к собственному восприятию сущего; тут же подхватил свисающую вниз черную паутинку и выбросил ее вперед, проделывая это точно так же, как во время поисков Тамы.

Тиннат стояла у окна, сложив на груди руки, и рассеянно глядела на улицу. Она была все в том же, что и давеча, мужском платье, но без оружия. Худые пальцы нервно теребили отворот рукава...

По комнате поплыла уже знакомая смесь кожи, железа и роз.

Ильверс соизволил «проснуться» окончательно и сел на кровати. Женщина вздрогнула; по лицу скользнуло выражение растерянности, но уже в следующий миг Тиннат доброжелательно улыбнулась.

Теперь Ильверс имел возможность рассмотреть ее при свете дня; оказалось, что она была не такой юной, как показалось в потемках: тоненькие, едва наметившиеся морщинки уже пролегли от крыльев носа к уголкам губ. Не девушка, только что шагнувшая за порог детства, но молодая женщина на самом взлете короткой людской жизни.

– Приветствую, – улыбка Лисицы стала еще шире, – Я принесла воду для умывания и завтрак. За дверями, если нужно, ждет брадобрей. Одежда на стуле. Томми говорит, что тебе нужно прогуляться по городу... Надо бы знать, что к чему.

Дэйлор бросил взгляд на стол – и правда, его уже ждал кувшин с водой, таз, и миска с непонятным содержимым.

– Благодарю, – он поднялся и отвесил легкий поклон.

– Не стоит, – Тиннат нервно пригладила непослушные кудри, – Томми хочет, чтобы я тебя сопровождала. И еще...

Она вдруг запнулась, покраснела и, усиленно разглядывая носки собственных сапог, пробормотала:

– Я незаслуженно оскорбила тебя ночью и приношу извинения.

И быстрым шагом вышла за дверь.

Через пару часов дэйлор, гладко выбритый, умытый и в новой одежде, шагал по узкой улочке. Брадобрей оказался добрым малым, и не только тщательно выскреб щеки и подбородок, но и подкрасил господину магу шевелюру, так что соломенный цвет распространился и на отросшие черные корни волос.

Тиннат молча шла рядом; Ильверс время от времени ловил на себе ее настороженные и в то же время любопытные взгляды, но стоило ему повернуться, как Лисица тотчас делала вид, что жуть как заинтересована либо проезжающим мимо мужчиной, либо пестрыми дамскими штучками, выставленными в витринах лавок. Ильверс едва сдерживал улыбку, когда взгляд этой женщины, облаченной в штаны и куртку, с наигранным восторгом

обращался к накрахмаленным чепцам, кружевам, тесемкам, деревянным гребням и прочей на взгляд дэйлор чепухе.

Наконец молчание стало тягостным. Поэтому, как только Лисица восторженно уставилась на огромный атласный бант ядовито-желтого цвета, Ильверс самым невинным тоном и как бы между прочим обронил:

– Если тебе так нравится это украшение, я мог бы тебе его купить. У меня есть кое-какие деньги.

На бледных щеках Тиннат вспыхнул яркий румянец.

– Нет, что ты... не нужно...

– Тогда почему же ты с таким восторгом разглядываешь его? – дэйлор усмехнулся, – по-моему, тебе куда больше хочется рассматривать меня, ведь так? Но отчего-то ты смущаешься... Чего уж там, гляди, сколько хочешь! Не часто в Алларене появляются настоящие дети Дэйлорона.

Тонкие коричневые брови Лисицы приподнялись; она в замешательстве провела рукой по непослушным локонам.

– Ты... неверно судишь, маг. И не нужно... со мной так говорить!

– Отчего? – он остановился, – мне казалось, что Томми приказал тебе сопровождать меня и рассказать о городе. Вместо этого мы уже битый час плетемся неведомо куда в полном молчании, и ты делаешь вид, что старательно разглядываешь витрины – за исключением тех мгновений, когда пытаешься рассмотреть меня. Ну и как?

– Что – как?

– Каким ты меня находишь? – вкладывая в голос немалую долю ехидства, прошипел Ильверс.

Тиннат опустила глаза.

- Прости. Я не хотела тебя обидеть, маг. Я... ничего такого...

- Ясно, - Ильверс холодно улыбнулся, - мне все равно, что ты там себе думаешь. Но, раз уж Томми отрядил мне такую провожатую, то прежде всего мне бы хотелось увидеть... Черный город. Ты ведь понимаешь, о чем я?

- Нет. Я не могу тебя отвести туда, Ильверс.

Он развел руками.

- Это почему же?!!

Внезапно Тиннат схватила его за рукав и силой потащила вперед. Свистящим шепотом обронила:

- Там, сзади, патруль... За мою голову, знаешь, немалая награда обещана. Кстати, за голову Малыша - тоже. Он... Уже пролил свою первую кровь, не думай, что он маленький и беззащитный.

- Почему же ты его тогда защищаешь?

- Оттого, что все мы одного поля ягоды, - негромко пояснила Тиннат. Она впервые находилась так близко от Ильверса; сквозь ткань рукава он ощущал тепло ее ладони, и вдыхал ее запах - эту странную смесь столь чуждых друг другу ароматов.

Ильверс оглянулся; за ними и вправду вышагивали два здоровяка в блестящих доспехах, но вскоре они свернули в переулок.

- А почему я не могу увидеть Черный город? - негромко осведомился дэйлор, освобождая локоть из хватки Тиннат.

- Во-первых, Ловкач просил... заметь, отнюдь не приказывал - он вообще ничего мне не может приказать, этот мерзавец... Так вот, Томми попросил меня, чтобы я показала тебе дом, который он заприметил на грядущую ночь. Ты пойдешь с нами, это дом богатого купца, и, думается мне, там стоит защита замков магией. Дом этот в стороне от черной цитадели. А во-вторых, место, куда ты хочешь

попасть, не принадлежит Томми Ловкачу. Если мне не изменяет память, то земля Красавчика, и нам лучше не совать туда свои носы.

- Разве я не могу среди бела дня пойти, куда мне заблагорассудится?

Тиннат мотнула головой.

- Теперь, когда ты один ночных братьев Алларена - нет.

- Мне плевать на Красавчика и его сброд, - жестко сказал дэйлор, - и я все равно навещу черный город, что бы ты ни говорила!

- Ну и дурак, - процедила Тиннат, - ты еще поймешь, насколько я была права. А теперь, прошу, пойдём к дому, который Томми собирается обчистить этой ночью.

... Ильверс взглянул на богатый особняк только мельком. Никакой магией там и не пахло, и Память Предков сладко дремала в дальних закоулках сознания, не желая давать никаких советов по поводу приемов людских чародеев. Тиннат покачала головой с сомнением, но не стала приставать с расспросами. Ильверс же вовсе не собирался отказываться от своего замысла поглядеть на Черный город поближе; он закрыл глаза - всего лишь на мгновение - и этого оказалось достаточным, чтобы сообразить, в каком направлении следует идти.

Улучив мгновение, когда Тиннат, казалось, была погружена в собственные невеселые думы, Ильверс свернул на нужную улочку и быстро зашагал вперед. Туда, где глубоко-глубоко под основанием города пульсировал тугой кокон Силы, собранный неизвестно кем и когда. Дэйлор не торопился соприкоснуться с этим таинственным резервуаром, смакуя каждый шаг, что приближал его к разгадке...

- И куда это мы идем? - его догнала Тиннат.

- К Черной цитадели. Я хочу ее увидеть.

- Ох, не надо бы... - женщина закусила губу, - не нужно, маг. Ты - не всесилен, и не можешь предугадать, из какого окна вылетит стрела, направленная тебе в глаз или сердце.

Ильверс пожал плечами.

– Я ведь недавно здесь, Лисица. Меня еще никто не знает, и люди Красавчика в том числе.

– Но они слишком хорошо знают меня! – в голосе Тиннат колокольчиком звякнуло отчаяние. Ильверс приподнял бровь.

– Разве я предлагаю тебе идти со мной? Уж будь спокойна, дорогу к Черному городу я найду и сам.

Тиннат замолчала, но продолжала шагать рядом. Затем, с обидой в голосе, проворчала:

– Еще чего не хватало! Нет, я не могу бросить дэйлор, хоть и перекрашенного, посреди Алларена. Уж будь, что будет.

Солнце висело в зените, когда, наконец, Ильверс издали, в просветах между домами, увидел кусок черной стены. Башня иглой впивалась в ярко-синее небо, черкая белые стены дворцов ломаной тенью.

Дэйлор невольно ускорил шаг; еще немного, и он окажется рядом с сердцем белого города, и, может быть, поймет...

– Ильв!!!

Резкий удар в бок. Падение. И, словно бы издали, свист толстой арбалетной стрелы, пригладившей волосы на макушке.

– Я тебе говорила! – зло рявкнула в ухо Тиннат.

Она оттолкнулась от него, перекатилась набок и ловко вскочила на ноги. Сухой шелест – и в тонких руках Лисицы засиял короткий меч. Ильверс только скривился: погрузившись в ощущение Силы, он напрочь позабыл о том, что по сторонам тоже надо поглядывать, и о том, что, как предупреждала Тиннат, они сейчас на куске земли, занятой неким Красавчиком и его братьями... Прохладное безразличие в душе дрогнуло, прогнулось и лопнуло; и дэйлор почувствовал, что

краснеет. От самого обыкновенного стыда за свою беспомощность.

Лисица выругалась и шагнула вперед, загораживая его собой. Прямо навстречу четверке хорошо одетых парней.

А немногочисленные прохожие, коим не посчастливилось оказаться свидетелями начала стычки, улепетывали кто куда. Улица опустела.

* * *

- Сделай же что-нибудь, - обронила через плечо Тиннат, - ты же маг!?

В следующий миг, легко оттолкнувшись от мостовой, она прыгнула, уходя влево и, явно собираясь атаковать фланг противника. Звякнули, столкнувшись, мечи.

«Сделай же что-нибудь...» - Ильверс, не особо задумываясь, потянулся к черным струйкам, текущим под ногами, - «убей их, или они убьют нас...»

Тиннат еще держала выпады сразу двух крепышей, куда как превосходящих ее по силе; двое других, обнажив короткие мечи со скривленным лезвием (такими хорошо рубить, но не колоть), уже были в двух шагах от Ильверса.

Криво усмехнувшись в их самоуверенные рожи, дэйлор осторожно отделил одну черную нить от потока, втянул в себя. Он ощутил, как Сила потекла сквозь него, но как-то медленно, вяло - словно до того, как Ильверс взял ее, она направлялась в неведомые дали с вполне определенной целью, и теперь была крайне недовольна тем, что ее посмели отвлечь.

Пускать в ход преобразования Силы было уже некогда; да и Память Предков не спешила помочь. Поэтому Ильверс поступил так, как уже много раз до этого: просто швырнул в ближайшего врага тугой черный комок. Человек взвыл не своим голосом; его ноги подломились. Второго постигла та же участь. И, хотя Ильверс даже не мог вообразить - а что же на самом деле он сотворил с этим отродьем, у него не оставалось ни малейшего желания заниматься исследованиями результатов магического воздействия.

Дэйлор шагнул к Тиннат; она, почувствовав движение за спиной, бросила в его сторону взгляд – и этого оказалось достаточно... Чтобы сверкающее лезвие, пробив защиту, играючи прошлось по животу Лисицы.

Когда Ильверс был самым обычным рабом, в самом начале его недолгой жизни, ему часто снился один и тот же кошмарный сон, словно два надсмотрщика волокут его на казнь, как раба, посмеявшегося поднять руку на хозяина. Путь к плахе был долгим, Ильверс сопротивлялся, извиваясь, как рыба на крючке, проклиная, умоляя и постыдно визжа. И тогда сновидение было настолько ярким, что он почти верил в его реальность.

Тиннат медленно падала на камни, разбрызгивая темные капли. Это тоже было похоже на страшный сон, но чувства Ильверса досадно изменялись. Получилось – все тот же кошмар, но словно сквозь серую пелену безразличия. А потому и страдание на побледневшем лице Тиннат не выглядело столь ужасно, как это видел бы настоящий, тот Ильверс д'Аштам, и капельки крови казались всего лишь брошенной пригоршней клюквы...

Но все-таки... что-то, еще не отмершее окончательно, зашевелилось внутри Ильверса – и этим «что-то» была злость.

Он с силой рванул на себя черную реку, текущую куда-то в направлении древнего города; а память Предков, словно очнувшись после долгого сна, торопливо подсовывала чужие, далекие воспоминания о том, как можно преобразовать Силу. Не силу отражений, а любую, какая есть под рукой.

Огненное кольцо охватило мужчин, сжало, растирая в пепел; наверное, они кричали, умирая – но Ильверс не слышал. Только рев пламени полнил его слух, и еще, как ни странно, далекие гулкие удары, словно само сердце Алларена, блестящее и бесконечно черное, одобрительно выстукивало победную песнь. И билось вместе с его, Ильверса, сердцем.

А потом злость схлынула, и вместе с ней ушел прежний Ильверс. Душу наполнила холодная болотная жижа, и не было того огня, который бы мог ее согреть.

Дэйлор опустился на колени перед Тиннат.

– Как ты?

Лисица не ответила. Жизнь стремительно уходила из ее тела, и тех капель, что еще удерживали сознание на самом пороге вечности, было слишком мало для того, чтобы говорить. Ильверс с трудом отвел ее судорожно сжатые пальцы от раны, еще раз взглянул в теплые карие глаза, вдохнул запах роз, густо замешанный на кровавой горечи... Но все это было... Как-то тускло, обыденно. Как если бы чувства могли быть закупорены в бутылке из дымчатого стекла.

– Я могу тебе помочь, – пробормотал он, – но зачем мне это? Ты – всего лишь человек, и мы едва знакомы...

Он запнулся, потому что ехидный голосок, который зовется совестью, в глубине души пропищал:

«Но это ведь из-за тебя она умирает! Это тебе так хотелось идти к черному городу... А пострадал ни в чем не повинный человек. И, коль скоро ты после своей гибели превратился невесть во что, оставайся, по крайней мере, справедливым к самому себе и к другим».

Дэйлор положил руку на рану и закрыл глаза. Силы было предостаточно, и, хоть и не очень охотно, она подчинилась, сращивая ткани и заставляя сердце биться. Ильверс не остановился на достигнутом, мгновения вязко текли, и точно также он капля за каплей вливал в тело Лисицы энергию, дающую жизнь.

Сперва ожил взгляд Тиннат – непонимающий, удивленный. Ее губы задрожали, казалось, она хочет что-то сказать. Ильверс невольно наклонился к ее лицу, пытаясь разобрать невнятный полусшепот-полувздых, но в этот миг словно небесный купол обрушился ему на голову, и все померкло.

При дворе ночных братьев

– Просыпайся, мой малыш. Ну же, не притворяйся – я знаю, что ты не спишь.

Жесткие пальцы матери коснулись свежего шрама на плече и замерли задумчиво, словно дэйлор – в который раз – пыталась понять своего сына.

Это прикосновение раздражало. Ильверс дернул плечом, и теплые пальцы исчезли, а вместе с ними – и убогий покой хижины.

Они снова шли по дороге над Эйкарнасом, и снова впереди громко топал Кэйвур. Мать плакала от счастья, торопливо растирая по щекам слезы, и бормотала о том, как прекрасно теперь заживет ее сын, единственный наследник дома д'Аштам. И все это уже было; оставалось совсем немного времени, до того, как...

– Тише, тише... Не кричи так, услышат тебя.

Ощущение жестких, но теплых пальцев на плече вернулось, и вместе с ним пришел холод, от которого зубы начали выстукивать барабанную дробь.

И еще этот голос... Ильверс подумал, что знает его. Кажется, голос принадлежал...

Тиннат. Лисице Тиннат.

Дэйлор с трудом разлепил веки. Вокруг было темно и сыро; где-то капала вода. Потом из мрака выплыло бледным пятном лицо Тиннат; на скуле багровел свежий кровоподтек.

– Ты говорил страшные вещи, пока валялся без памяти, – сказала она, – пить хочешь? Думаю, жар скоро спадет.

Сделав над собой усилие, Ильверс приподнял голову, огляделся.

– Где это мы? – слова давались тяжело, будто язык отказывался ворочаться.

Лисица вздохнула.

– Мы у Красавчика. Он ждет, когда ты, наконец, очнешься, чтобы обсудить с тобой кое-что. Все-таки неплохо быть магом; если бы не это, то ты бы уже давно отошел к своим богам...

Ее лицо вдруг осветила улыбка. Наклонившись к Ильверсу, так, что слипшиеся пряди волос коснулись его щеки, Лисица прошептала:

– Я знаю, что ты сделал для меня. С этих пор моя жизнь и мое оружие – твои... Но ты все-таки допустил одну-единственную ошибку – не догадался обернуться и посмотреть, а не подкрадывается ли кто сзади?

Ильверс ничего не ответил. Затем, облизнув губы, напомнил про воду.

Этого добра было предостаточно; Тиннат благоразумно собирала ее в большую жестяную кружку. Он отхлебнул глоток, и почувствовал себя чуть лучше. Затем, оглядев Тиннат, заключил, что как раз-таки она выглядит наиплачевным образом: одежда порвана, на белой коже чернеют синяки, а кое-где – и свежие ссадины. Лисица поймала его взгляд и кисло улыбнулась.

– Я и говорю, что хорошо быть магом. Уж тебя-то они и пальцем не тронули, только обыскали – чтобы никаких ингредиентов заклятий не осталось. Да у тебя их и не было!

– Сколько... времени прошло? – осторожно поинтересовался Ильверс.

– Два дня. Томми, небось, с ног сбился, весь Алларен переворошил. Да вот только откуда ему знать, что мы здесь – и живы?

Тиннат шмыгнула носом и, смутившись отчего-то, стянула у горла разодранный воротник. А Ильверс смотрел, смотрел на нее... И думал о том, что будь он прежним, наверняка бы обнял, прижал к груди и успокоил эту измученную женщину. Ему-то и сейчас было ее жалко, но жалость получалась какая-то бесцветная, тусклая, словно разбавленная водой краска. И такое неполноценное ощущение раздражало.

Дэйлор сел на полу, пощупал затылок – под волосами напухла шишка весьма внушительных размеров.

– Мы отсюда выберемся, – уверенно сказал он, – а компоненты заклятий мне не нужны. Я же дэйлор, ты забыла?

Тиннат кивнула.

– Честно говоря, я только на это и надеялась.

Воцарилось недолгое молчание, которое снова прервал Ильверс.

– Кто тебя бил?

– А тебе-то какая разница?

Она резко отвернулась, но Ильверс все-таки заметил, как задрожали губы.

– Скажи мне. Будет правильно, если они отправятся к предкам.

– Разве?

– Думаю, да.

Тиннат шмыгнула носом.

– Тогда, маг, тебе надо пойти к Красавчику. Может, заодно и мой меч заберешь...

– Хорошо.

Дэйлор закрыл глаза, сосредоточился. Силы вокруг было предостаточно, чтобы вымыть боль в голове, и, почувствовав себя вполне здоровым, Ильверс поднялся на ноги.

Они находились в маленьком погребке; тусклый свет едва сочился сквозь вентиляционное отверстие под потолком. А люк наверху был, как и следовало ожидать, закрыт – и не просто закрыт, а придавлен чем-то тяжелым.

– Пойдем, – сказал Ильверс, – заберем твой меч.

* * *

В тот день у Красавчика было омерзительное настроение. С утра он размял кулаки на знаменитой Лисице, о которой ходили легенды среди ночных братьев Алларена, но от этой наимприятнейшей процедуры солнце не стало ярче, а горка

золотых монет – больше. Даже получасовое развлечение с одной из наложниц не улучшило положения дел.

Поэтому после обеда Красавчик мрачно сидел в спальне и занимал себя тем, что ел вишневое варенье и плевался косточками в стену, тщетно пытаясь попасть в высохшие останки раздавленного когда-то таракана. Получалось плохо. Словно этот давно убитый таракан все еще умудрялся отползать в сторону от летящего орудия мести.

Наконец, придя в состояние крайнего раздражения, Красавчик запустил в стену всю вазочку с недоеденным вареньем и, ругнувшись, распахнул дверь в коридор.

– Эй, парни! Волоките сюда того мага, будь он неладен! Я его живо приведу в чувство... И девку, девку давайте сюда!

Его охрана, насчитывающая троих ночных братьев, не пошевелилась. Они как сидели, привалившись к стене, так и остались сидеть.

– Спите вы, что ли? Остолопы!

Красавчик размахнулся и пнул ближайшего детину, но тот, вместо того, чтобы испуганно вскочить на ноги, начал медленно заваливаться набок, как тюк соломы.

– Эт-то еще что?..

Он не договорил. Приоткрыв рот от изумления, смотрел, как из-за угла медленно появился высокий мужчина. А за его спиной, гаденько ухмыляясь, скользила бесшумно Лисица Тиннат.

– Маг? – прохрипел Красавчик.

Он судорожно пытался понять, когда и где допустил ошибку, и почему чародей, не имея под рукой никаких компонент к заклинаниям – ну, всяких там жабьих голов или птичьих лапок – столь неожиданно оказался на свободе. Мелькнула мысль о том, что надо бы попробовать договориться с ним, заключить выгодную (разумеется, взаимно) сделку, но... Красавчик не успел.

Воздух сделался вязким, как клейстер; Красавчик потянул его в себя и с ужасом осознал, что не может сделать ни единого вдоха.

Прошло мгновение. Другое. Перед глазами замельтешили разноцветные пятнышки; грудь разрывалась от напряжения. Красавчик и сам не заметил, как очутился на полу.

Сверху к нему наклонилась Тиннат, и холодное торжество в ее глазах было последним, что он увидел.

* * *

Вечером того же дня Томми Ловкач закатил грандиозную пирушку в честь Ильверса. Были приглашены только избранные – самые лучшие, по мнению Ловкача, воры и убийцы его двора, а также те, кто раньше служил Красавчику, и пришел присягнуть на верность Томми.

Ибо земли, которыми заправлял убитый хозяин двора, по закону все тех же ночных братьев, перешли к победителю. К Ловкачу, то есть.

Виновник торжества, Ильверс – Маг-Ходячая-Смерть, едва дождался момента, когда смог улизнуть в свою комнату; голова трещала от духоты, от запахов пота и кислого вина. Желудок – по причине обильной пищи и того же плохонького винца, недовольно сжимался, грозя вывернуть все съеденное обратно.

Поэтому Ильверс не без удовольствия растянулся на кровати, закрыл глаза и провалился в душный, изматывающий сон. Странные слова крутились в голове, он не помнил, где раньше мог их слышать. Не иначе, ожила память Предков, и подсовывала совершенно ненужное теперь знание.

И взойдет на вершину горы последний магистр, страшный ликом.

И будут слезы мира сего ему временем и пищей.

И наступит конец времен для народа дэйлор, благословенного землей.

Несколько раз он просыпался, снова засыпал, и под конец ему привиделось...

Он шел, поддерживаемый под локоть своим последним учеником, что согласился разделить бремя. Невыносимо было ступать по черной площади, каждый шаг отзывался ноющей, надоедливой болью в позвоночнике. Да и не мудрено – сколько декад прошло с того момента, как юный маг покинул кокон?

– Не печальтесь, Магистр, – тем временем прошамкал человек, за долгие годы ставший братом, – быть может, все еще возвратится на круги свои.

Оставалось только качать головой.

– Нет больше в моем народе того, кто принял бы все это на свои плечи.

– Но как же пророчество о Последнем Магистре?

– Брат мой, вы же видите, что я стараюсь им не стать... Хотя иной раз думаю, что зря... Что ж, не будем медлить. Надо закрыть этот город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/klimenko_anna/posledniy-magistr

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)